

ISSN 2311-0066

Балтийский гуманитарный журнал

2013
№ 1(2)

БАЛТИЙСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 2012 г.

№ 1 (2)

2013

Ежеквартальный
научный журнал

Учредитель – Некоммерческое партнерство «Институт направленного образования»

Главный редактор

Коростелев Александр Алексеевич, доктор педагогических наук (Тольяттинский государственный университет, Россия)

Заместитель главного редактора

Осадченко Инна Ивановна, доктор педагогических наук, доцент

Редакционная коллегия:

Бех Иван Дмитриевич, действительный член Национальной Академии педагогических наук Украины, доктор педагогических наук, профессор
Бирик Надежда Михайловна, действительный член Национальной Академии педагогических наук Украины, доктор педагогических наук, профессор
Бочарова Елена Анатолиевна, доктор педагогических наук, профессор
Вашуленко Николай Самойлович, действительный член Национальной Академии педагогических наук Украины, Заслуженный деятель науки и техники Украины, доктор педагогических наук, профессор
Газизова Назигуль, кандидат педагогических наук, доцент
Гладышев Владимир Владимирович, доктор педагогических наук, профессор
Глуховцева Екатерина Дмитриевна, доктор филологических наук, профессор
Данилюк Оксана Климовна, кандидат филологических наук, доцент
Коновальчук Валентина Ивановна, кандидат психологических наук, доцент
Ласкавый Дмитрий Васильевич, доктор исторических наук, профессор
Максимук Лариса Михайловна, кандидат педагогических наук, доцент
Минка Татьяна Павловна, доктор юридических наук, профессор
Пометун Елена Ивановна, член-корреспондент Национальной Академии педагогических наук Украины, доктор педагогических наук, профессор
Савченко Александра Яковлевна, действительный член Национальной Академии педагогических наук Украины, доктор педагогических наук, профессор
Семенюк Олег Анатольевич, доктор филологических наук, профессор
Торчинский Михаил Николаевич, доктор филологических наук, профессор
Федурко Мария Юлиановна, доктор филологических наук, профессор
Харченко Татьяна Гадульзяновна, кандидат педагогических наук, доцент
Яцышин Михаил Михайлович, доктор юридических наук, профессор

Ответственный секретарь

Полтарецкий Денис Александрович

Входит в перечень рецензируемых научных журналов, зарегистрированных в системе «Российский индекс научного цитирования».

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Компьютерная верстка:
А.А. Коростелёв

Технический редактор:
А.А. Коростелёв

Адрес редакции: 236040,
Россия, г. Калининград,
улица Литовский Вал, 38

Тел.: (8482) 69-46-47

E-mail: kaa1612@yandex.ru

Сайт: <http://napravo.ru>

Подписано в печать 22.06.2013.

Формат 60x84 1/8.

Печать оперативная.

Усл. п. л. 16,1.

Тираж 500 экз. Заказ 2-17-12.

СВЕДЕНИЯ О ЧЛЕНАХ РЕДКОЛЛЕГИИ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Коростелев Александр Алексеевич, доктор педагогических наук
(Тольяттинский государственный университет, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Осадченко Инна Ивановна, доктор педагогических наук, доцент
(Уманский государственный педагогический университет, Украина)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Бех Иван Дмитриевич, действительный член НАПН Украины, доктор педагогических наук, профессор
(Институт проблем воспитания НАПН Украины, Киев, Украина)

Бибик Надежда Михайловна, действительный член НАПН Украины, доктор педагогических наук, профессор
(Института педагогики НАПН Украины, Киев, Украина)

Бочарова Елена Анатольевна, доктор педагогических наук, профессор
(Горловский государственный педагогический институт иностранных языков, Украина)

Вашуленко Николай Самойлович, действительный член Национальной Академии педагогических наук Украины,
Заслуженный деятель науки и техники Украины, доктор педагогических наук, профессор
(Глуховский национальный педагогический университет, Украина)

Газизова Назигуль, кандидат педагогических наук, доцент
(Семипалатинский государственный университет, Семей, Казахстан)

Гладышев Владимир Владимирович, доктор педагогических наук, профессор
(Николаевский национальный университет, Украина)

Глуховцева Екатерина Дмитриевна, доктор филологических наук, профессор
(Луганский национальный университет, Украина)

Данилюк Оксана Климовна, кандидат филологических наук, доцент
(Восточноевропейский национальный университет, Луцк, Украина)

Коновальчук Валентина Ивановна, кандидат психологических наук, доцент
(Черкасский областной институт последипломного образования педагогических работников, Украина)

Ласкавый Дмитрий Васильевич, доктор исторических наук, профессор
(Луганский национальный университет, Украина)

Максимук Лариса Михайловна, кандидат педагогических наук, доцент
(Брестский государственный университет, Белоруссия)

Минка Татьяна Павловна, доктор юридических наук, профессор
(Днепропетровский государственный университет внутренних дел, Украина)

Пометун Елена Ивановна, член-корреспондент Национальной Академии педагогических наук Украины, доктор педагогических наук, профессор
(Института педагогики НАПН Украины, Киев, Украина)

Савченко Александра Яковлевна, действительный член НАПН Украины, доктор педагогических наук, профессор
(Института педагогики НАПН Украины, Киев, Украина)

Семенюк Олег Анатольевич, доктор филологических наук, профессор
(Кировоградский государственный педагогический университет, Украина)

Торчинский Михаил Николаевич, доктор филологических наук, профессор
(Хмельницкий национальный университет, Украина)

Федурко Мария Юлиановна, доктор филологических наук, профессор
(Дрогобыцкий государственный педагогический университет, Украина)

Харченко Татьяна Гадульзяновна, кандидат педагогических наук, доцент
(Луганский национальный университет, Украина)

Яцышин Михаил Михайлович, доктор юридических наук, профессор
(Восточноевропейский национальный университет, Луцк, Украина)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕХНОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ АНАЛИТИКО-СИНТЕТИЧЕСКИХ УМЕНИЙ УЧЕНИКОВ 5-6 КЛАССОВ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ЛИТЕРАТУРЫ	
Гладышев Владимир Владимирович, Гинкевич Оксана Валентиновна.....	5
ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ РЕАКЦИИ ТОЛПЫ ПРИ СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА И ПРОФИЛАКТИКА ИХ ПРОЯВЛЕНИЙ	
Гусак Тарас Петрович.....	7
СТАНОВЛЕНИЕ ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ В УКРАИНЕ	
Гусак Андрей Петрович.....	10
РУССКИЕ В НАЦИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ ДОНБАССА (1959-2001 гг.)	
Докашенко Виктор Николаевич.....	12
ЗНАЧЕНИЕ РЕАБИЛИТАЦИИ В ПРОЦЕССЕ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ С ДЕФЕКТОМ ЗРЕНИЯ В ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	
Криводонова Юлия Евгеньевна.....	15
ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОСУЖДЕННЫХ В СЛУЧАЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ УГРОЗЫ ДЛЯ ИХ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ	
Лопоха Василий Васильевич, Охман Ольга Владимировна.....	19
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ КОНЦЕПТА НЕБО В УКРАИНСКОЙ ПОЭЗИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX СТОЛЕТИЯ	
Огар Анна Осиповна.....	22
ПЕРЕВОД КАК ОБЪЕКТ ВОЗДЕЙСТВИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ	
Рудницкая Наталья Николаевна.....	25
О ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ РЕЛЕВАНТНОСТИ ТЕЛЕОЛОГИИ (на материале англоязычного публицистического дискурса)	
Шевченко Александр Иванович.....	28
АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КЛАССИФИКАЦИИ ТЕКСТОВ-ЗАГОВОРОВ	
Шуляк Светлана Андреевна.....	31
ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ	
Ярыгин Олег Николаевич, Рябова Василиса Михайловна.....	34
Наши авторы.....	37

**TECHNOLOGY OF FORMING OF ANALITICAL-SINTHETIC ABILITIES OF STUDENTS
5-6 CLASSES IN THE PROCESS OF STUDY OF LITERATURE**

Gladyshev Vladimir Vladimirovich, Ginkevich Oksana Valentinovna.....5

**BEHAVIORAL REACTIONS OF THE CROWD IN COMMITTING CRIMES AGAINST
PUBLIC ORDER**

Gusak Taras Petrovich.....7

FOFMATION OF JUVENILE JUSTICE IN UKRAINE

Husak Andrej Petrovich.....10

RUSSIAN IN THE NATONAL STRUCTURE OF DONBASS (1959 – 2001)

Dokashenko Viktor Nikolayevich.....12

**VALUE IN THE REHABILITATION PERSONAL FULFILLMENT VISUALLY IMPAIRED
IN THE LABOR FORCE**

Krivodonova Julia Evgenyevna.....15

**PROTECTION OF PRISONERS' PERSONAL SECURITY IN CASES OF RISK TO THEIR
LIFE AND HEALTH**

Lozoha Vasiliy Vasilevich, Ohman Olga Vladimirovna.....19

**ANTHROPOLOGICAL SIGNS OF CONCEPT SKY IN UKRAINIAN POETRY OF THE SECOND
HALF OF THE XX CENTURY**

Ogar Anna Osypovna.....22

TRANSLATION AS THE OBJECT OF POLITICAL IDEOLOGY IMPACT

Rudnytska Nataliya Nikolaevna.....25

**ON LINGUISTIC RELEVANCE OF TELEOLOGY
(with reference to English publicistic discourse)**

Shevchenko Alexander Ivanovich.....28

ASPECTS OF THE RESEARCH OF EXORCISM TEXTS CLASSIFICATION

Shulyak Svetlana Andreevna.....31

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND INTELLECTUAL COMPETENCE

Yarygin Oleg Nikolaevich, Ryabova Vasilisa Mikhajlovna.....34

Our authors.....37

УДК 371.3 + 821.161.2

ТЕХНОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ АНАЛИТИКО-СИНТЕТИЧЕСКИХ УМЕНИЙ УЧЕНИКОВ 5-6 КЛАССОВ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

© 2013

В.В. Гладышев, доктор педагогических наук, профессор кафедры «Славянской филологии»

О.В. Гинкевич, преподаватель кафедры «Славянской филологии»

Николаевский национальный университет имени В.А. Сухомлинского, Николаев (Украина)

Аннотация: В статье представлены основные характеристики аналитико-синтетических умений учащихся в процессе получения ими литературного образования (основная школа), а также уточнена сущность понятий «анализ», «синтез», «аналитико-синтетические умения» в контексте их формирования в рамках литературного образования школьников в основной школе.

Ключевые слова: анализ, синтез, аналитико-синтетические умения, формирование аналитико-синтетических умений.

Проблема развития читательских умений и навыков является одной из актуальных в методике преподавания литературы, соответственно, она была предметом ряда исследований учёных-методистов.

Отметим наиболее важные из них, в которых раскрыты основные аспекты отмеченной проблемы в рамках школьного литературного образования: организация учебной деятельности на уроках литературы (Т. Бугайко, Ф. Бугайко [1]); формирование читательских умений и интересов (О. Исаева [2]); роль и специфика познавательных задач на уроках литературы (В. Паламарчук [3], [4]); воспитание читательских навыков (А. Сафонова [5]); формирование умений литературного анализа (А. Ситченко [6], [7], [8]); умения и навыки контекстного изучения художественных произведений (В. Гладышев [9]).

Поскольку качество литературного образования зависит от уровня развития интеллектуальной сферы учеников, от выработки у них основных форм мышления: сравнения, обобщения, классификации, систематизации, и т.д., актуальной является проблема формирования у читателей-учеников аналитико-синтетических действий. Необходимо развивать у школьников эмоционально чувственное восприятие художественного произведения и в то же время учить их замечать образное значение художественного выражения, понимать функцию конкретного образа, проникать в системные отношения между ключевыми элементами произведения, различать художественную структуру текста и систематизировать похожие образные явления, словом, выполнять основные аналитико-синтетические действия, актуальные во время работы над художественным произведением. Однако до сих пор не имеем специальных исследований на эту тему.

Целью статьи является представление основных параметров технологии формирования аналитико-синтетических умений, актуальных во время работы над литературным произведением. Работа над текстом художественного произведения предусматривает выполнение учениками определенных аналитических действий. В 5-6 классах это такие упражнения:

- выделить в тексте и воспроизвести в воображении художественные картины (образы);
- объяснить доминирующие свойства художественных образов, раскрывая приемы их создания. Особенностью литературного анализа является его неотделимость от синтетических умственных действий;
- последовательно расположить художественные картины в соответствии с текстом, определив причинно-следственные связи между ними;
- пересказывать содержание прочитанного произведения (или отрывка из него) с элементами устного (или письменного) рисования авторских картин;
- выявлять связи между образными компонентами текста, выяснять их смысловую нагрузку;
- интерпретировать содержание произведения, характеризовать его художественно-эстетическое значение.

Соответственно, изучение литературного произведения предусматривает не только выделение в тексте значимых компонентов (анализ), но и объяснение отношений, между ними (синтез).

Различается первичный синтез, как впечатление от только что прочитанного, и синтетические образные и понятийные обобщения, которые возникают на основе проведенного анализа. Г. Ващенко объясняет это так: «В первый момент познания мы охватываем вещь в целом, это первобытный несовершенный синтез, который имеет в себе такой же элементарный анализ, поскольку мы выделяем вещь из потока. Второй момент – разделение явления на отдельные элементы, то есть анализ его, что тоже имеет в себе элементы синтеза, поскольку определение признаков вещей есть установление связей с другими делами. Третий момент – синтез – группирование явлений на основании общих признаков. Третий момент выше первого, потому что мы синтезируем общие признаки вещей на основании детального всех признаков вещей, как общих, так и отличных» [10, с. 139]. Следовательно, анализ является обязательной предпосылкой для научного синтеза. Чем совершеннее будет анализ, тем полнее будет и синтез.

Считаем целесообразным принять такую типологию аналитико-синтетических умений анализировать литературно-художественное произведение в общеобразовательной школе (по О. Никифоровой):

Первый тип умений – эмоционально воспроизводительный – близко к тексту воспроизводить в воображении художественные картины, изображенные писателем; пересказывать прочитанное, передавая как авторское, так и собственное отношение к изображенному.

Второй тип умений – познавательный – определять в произведении его основные части, видеть их пределы и устанавливать временные связи между ними; освещать в тексте отдельные образные элементы, раскрывая в них авторские приемы создания; характеризовать и оценивать содержание и значение основных образных компонентов произведения, объяснять изобразительно-выразительные средства языка в них и авторское отношение к изображенному; устанавливать причинно-следственные связи между образными компонентами текста, осуществляя контекстные образные и понятийные обобщения; выражать свое отношение к прочитанному.

Третий тип умений – рефлексивный – самостоятельно интерпретировать содержание и значение художественного произведения в целом; устанавливать типологические связи между образами и произведениями разных писателей и других видов искусства, замечать познавательные факты в новых проявлениях действительности; составлять собственные произведения по мотивам прочитанного. Этот тип умений означает выход читателей за рамки обучаемого произведения и предусматривает следствие влияния его потенциала на характер читателя [7, с. 138–170]. Для обеспечения эффективности формирования у учеников аналитико-синтетических умений во время изучения литературы А. Ситченко выделяет три условия. Первое предусматривает деталь-

ное и последовательное ознакомление учеников с рекомендациями относительно проведения основных типов литературного анализа. Второе условие характеризуется освоением учениками правил-ориентиров как образцов проведения основных мыслительных операций, связанных с анализом и синтезом художественного произведения. Идет речь об усвоении учениками содержания и правил умственного действия на сравнение, обобщение и конкретизацию, систематизацию и классификацию литературных знаний и читательских умений. Третье условие эффективного формирования у учеников аналитико-синтетических умений – накопление значительного фонда разнообразных мыслительных операций, который предопределяет в дальнейшем качественные сдвиги в их интеллектуальном развитии [7, с. 212–217]. Опираясь на эти три условия, мы можем структурировать каждый тип читательских умений в соответствии с требованиями, которые выдвигаются учебными программами к знаниям и умениям учеников определенного класса с учетом их возрастных и литературных особенностей.

В структуре того или иного типа аналитико-синтетических умений доминирующим могут быть как анализ, так и синтез. Например, в 5 классе, структура эмоционально-воспроизводительного типа аналитико-синтетических умений такая:

- воспроизводить в воображении художественные картины произведения, которое изучается;
- определять авторское отношение к изображаемому;
- пересказывать устно и в письменном виде (избирательно, детально, сжато) небольшое эпическое произведение или отрывки из большого по объему эпического или драматического произведения;
- выражать собственное впечатление от прочитанного.

Структура познавательного типа аналитико-синтетических умений:

- выделять эпизоды, пейзажи, диалоги, монологи в произведении;
- определять пределы основных частей текста;
- составлять план небольшого эпического произведения или отрывка из большого по объему эпического или драматического произведения;
- различать в тексте художественного произведения образы-персонажи, литературные портреты и пейзажи, язык автора и действующих лиц, описание и рассказ;
- находить в художественном тексте тропы разного характера: эпитеты, сравнение и объяснять их изобразительную роль;
- выделять характерные поступки, проявления поведения литературных героев, их высказывания, настроения, переживания, отношения с другими людьми, отношение к окружающему миру;
- замечать авторское отношение к персонажам;
- устанавливать причинно-следственные связи между событиями в произведении;
- определять авторское отношение к персонажу, заметное из деталей описания его внешности, других картин произведения;
- рассказывать (устно или в письменном виде) о литературном герое произведения;
- показывать, как язык автора помогает понимать изображенное в художественном произведении;
- объяснять свою оценку образа литературного героя.

Структура рефлексивного типа аналитико-синтетических умений:

- самостоятельно формулировать главную мысль в прочитанном;
- раскрывать значение изученного произведения;
- объяснять сходство и различия в характере героев из прочитанных произведений;
- давать устный отзыв на самостоятельно прочитанное произведение, произведения разных видов искусства (с высказыванием своего отношения к изображен-

ном там героям и событиям);

- самостоятельно составлять произведения, близкие по жанру к изученным.

Структура каждого типа умений анализировать художественное произведение в следующем классе усложняется. В 6 классе актуальными остаются умения, которые производятся у пятиклассников, кроме того, должны формироваться еще и такие:

Эмоционально воспроизводительный тип умений:

- пересказывать (устно и в письменном виде) произведение или основные отрывки из него, доказательно выражая свое отношение к прочитанному.

Познавательный тип умений:

- осуществлять разделение текста на эмоционально смысловые части;
- проникать во внутреннее состояние литературного героя;
- характеризовать отдельных героев произведения на основе их мыслей, поступков и поведения;
- обнаруживать авторское отношение к персонажу;
- раскрывать в произведении усвоенные изобразительно-выразительные средства (поэтические обращения, аллегорию, олицетворение, гиперболу, диалектизмы, юмор) и объяснять их роль в контексте;
- различать стихотворный и прозаический язык, реальное и фантастическое в произведении;
- характеризовать персонажей на основе их поступков и взаимоотношений;
- находить в тексте усвоенные компоненты произведения и объяснять их роль в контексте;
- выражать свое отношение к отношениям литературных героев между собой.

Рефлексивный тип умений:

- объяснять подтекст произведения;
- составлять устное и письменное произведение-размышление по изученным произведениям.

Нами предложена типология аналитико-синтетических умений анализировать литературно-художественное произведение в общеобразовательной школе: 1) эмоционально воспроизводительный тип; 2) познавательный тип; 3) рефлексивный.

Основными направлениями в решении проблемы формирования аналитико-синтетических умений учеников 5-6 классов средствами методической науки считаем:

- а) плодотворное использование учителем в работе богатого методического наследия;
- б) учет всех достижений современных технологий учебного процесса;
- в) применение арсенала известных методов, приемов и форм изучения литературы, видоизменяя их в соответствии с индивидуальными возрастными особенностями каждого школьника.

Для этого необходимы: более глубокое исследование теоретических наработок ученых прошлого и современности, обобщение практического опыта учителей, соответствующая разработка методической модели формирования аналитико-синтетических умений учеников 5-6 классов во время изучения литературы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бугайко Т. Ф., Бугайко Ф. Ф. Украинская литература в средней школе. Курс методики. – К.: Советская школа, 1962. – 392 с.
2. Исаева Е.А. Теория и технология развития читательской деятельности старшеклассников в процессе изучения зарубежной литературы: Монография. – К., 2003. – 380 с.
3. Паламарчук В.Ф. Глобус интеллектус (методология, программа, методика формирования глобального интеллекта). – К., 1999. – 210 с.
4. Паламарчук В.Ф. Как вырастить интеллектуала: Пособ. для учителей и руководителей школ. – К.: Уч. книга. – Богдан, 2000. – 151 с.

5. Сафонова А.М. Воспитание читательских навыков: Пособ. для учителя. – К.: Совет. школа, 1983. – 167 с.
6. Ситченко А.Л. Методика обучения украинской литературе в общеобразовательных заведениях [Текст]: уч. пособ. для студентов-филологов. – К.: Ленвит, 2011. – 291 с.
7. Ситченко А.Л. Учебно-технологическая концепция литературного анализа: Моногр. – К.: Ленвит, 2004. – 304 с.
8. Ситченко А.Л., Шуляр В.И., Гладышев В.В. Методика

преподавания литературы: Терминологический словарь / Под редакцией проф. А.Л. Ситченко. – К.: Издательский Дом «Ин Юре», 2008. – 132 с.

9. Гладышев В.В. Теория и практика контекстного изучения художественных произведений в школьном курсе зарубежной литературы: Монография. – Николаев: изд-во «Илион», 2006. – 372 с.

10. Ващенко Г.Г. Общие методы обучения. Учебник для педагогов. / Г. Ващенко. – К.: Украинский издательский союз, 1997. – 410 с.

TECHNOLOGY OF FORMING OF ANALITICAL-SINTHETIC ABILITIES OF STUDENTS 5-6 CLASSES IN THE PROCESS OF STUDY OF LITERATURE

© 2013

V.V. Gladyshev, doctor of pedagogical sciences, professor of «Slavonic philology»

O.V. Ginkevich, teacher of the department is «Slavonic philology»

Nikolaev National University of V.A. Sukhomlinskogo, Nikolaev (Ukraine)

Annotation: This article represent the main characteristics of analytic-synthetic skills for students in process of obtaining the literary education (the secondary school) and the refined essence of terms «analysis», «synthesis», «analytic-synthetic skills» in the context of formation in the literary education pupils in the secondary school.

Keywords: analysis, synthesis, analytical-synthetic abilities, forming of analytical-synthetic abilities.

УДК 343.915

ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ РЕАКЦИИ ТОЛПЫ ПРИ СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА И ПРОФИЛАКТИКА ИХ ПРОЯВЛЕНИЙ

© 2013

Т.П. Гусак, аспирант

Национальный педагогический университет имени Михаила Драгоманова, Киев (Украина)

Аннотация: В статье исследовано поведение толпы на разных стадиях совершения преступления, проанализированы в отечественной и зарубежной литературе ряд противоправных действий и сопоставлены полученные результаты. Рассмотрен криминологический аспект предотвращения нарушений общественного порядка и проанализированы профилактические методы предотвращения таких преступлений за рубежом.

Ключевые слова: толпа, общественный порядок, массовые беспорядки, противоправные действия толпы.

Становление украинской государственности сопровождается рядом ментальных изменений, обусловленных политическими, социальными, экономическими, психологическими, поведенческими и другими проблемами, что, в свою очередь, приводит к массовым протестам взрослого населения и молодежи. Такие протесты часто носят противоправный характер. Кроме того, общественная опасность и особенность преступлений против общественного порядка заключается в том, что вред, причиненный нарушителями закона, может быть нанесен не только объекту насилия, но и третьим лицам. В связи с рядом причин лица, которые не имели никакого отношения к событиям, могут стать как жертвами, так и соучастниками преступления.

Психологией толпы в криминогенных ситуациях занимались такие западные ученые как Г. Лебон, Г. Тард, С. Сигеле, З. Фрейд и др. В российских исследованиях этой проблемы ведущие места занимают Ю. Левада, С. Кара-Мурза, А. Цуладзе, Е. Доценко. В Украине над этой проблемой активно работают Г. Почепцов, В. Королько и др.

Для решения проблемы уголовно-правовой охраны общественного порядка важное значение имеют научные разработки ученых в области уголовного права и криминологии. Исследованием отдельных аспектов проблемы в разное время посвящены труды отечественных и зарубежных ученых, в частности: А. Абдуллаева, Ю. Александрова, П. Андрушка, Л. Багрий-Шахматова, М. Бажанова, Ю. Баулина, П. Воробья, В. Голин, В. Грищука, П. Гришанина, С. Денисова, А. Джужы, В. Дзюбы, О. Дудорова, А. Закалюка, О. Игнатова, И. Карпеца, М. Коржанського, Кудрявцева, В. Кузнецова, В. Куца, Н. Кузнецовой, П. Матишевського, Н. Мельника, В. Меркуловой, А. Музыки, В. Навроцкого, В. Осадчого, М. Панова, Г. Пищенко, А. Савченко, В. Смитненка, П. Фриса, Н. Хавронюка, В. Шакуна, Н. Ярмиша, С. Яценка и др.

Цель статьи – раскрыть основные факторы возникновения нарушений общественного порядка толпой и рассмотреть профилактические средства их предотвращения и урегулирования.

Для более полной характеристики нарушений общественного порядка нужно разделить процессы его зарождения, ход активных действий и ликвидации, и, в соответствии с анализом каждого этапа, определить причины его возникновения. Однако следует отметить, что жесткое деление здесь вряд ли уместно, поскольку конфликты часто развиваются стремительно, и невозможно с достаточной четкостью определить ту или иную стадию их протекания.

И, тем не менее, *на первой стадии*, как правило, определяется вид и мотивированность противоборствующей стороны. Это могут быть представители других национальностей, вероисповедания, политической ориентации и т.д., когда их интересы и цели не совпадают с другой противоборствующей стороной. Соответственно в глазах «группы» создается образ врага, растет напряженность между сторонами.

Значительно повышают напряженность недостатки в деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, отсутствие информации об обстановке, низкая профилактическая работа органов внутренних дел. Все это приводит к низкой информированности УВД об обстановке, что, в свою очередь, ведет к неконтролируемости их неожиданных действий.

На второй стадии «группа» обычно переходит к активным действиям. В связи с этим быстрыми темпами растет количество совершенных преступлений, происходят нападения в форме «организации групповых действий, приводящих к грубому нарушению общественного порядка или существенное нарушение работы» учреждений, за что, в свою очередь, предусмотрена уголовная ответственность [1, ст. 293 КК Украины].

Характерным признаком *третьей стадии* является

выход ситуации из-под контроля. Объектом нападения становятся здания, но хуже всего то, что есть вероятность вовлечения в конфликт новых участников, увеличивается число жертв среди населения, не участвующего в нарушениях общественного порядка.

На каждой из этих стадий толпа в форме преступной неорганизованной группы в ретроспективном анализе имела ряд особенностей и первые попытки охарактеризовать особенности поведения толпы на каждой стадии, а также выявить причины возникновения нарушений общественного порядка были сделаны еще на рубеже XIX–XX веков. В своих работах Г. Лебон описывал толпу как безликую и аморфную. Г. Лебон писал, что, когда лицо находится в толпе, ее поведение может приравниваться к поведению животного, а в атмосфере хаоса адекватное восприятие ситуации может быть поглощено коллективным духом, который заражает, и, тем самым, подсознательно уменьшает ответственность каждого лица. Поэтому существует достаточно высокая вероятность того, что лица, не причастные к противоправным действиям, могут совершать преступления вместе с толпой, не предполагая потенциальных последствий, и будут думать, что за содеянное будет отвечать толпа, а не каждый человек [2, с. 182].

З. Фрейд писал о нарушении общественного порядка толпой под прищипкой психологической неустойчивости лиц и их поглощением толпой. Как результат, скопления людей совершает поступки, которые не осмысленные, а основанные на инстинктивном принятии решений [3, с. 422–423].

Во второй половине XX века возникла полемика между двумя лагерями ученых по поводу причин природы массовых беспорядков и нарушений общественного порядка. Одни считают, что беспорядки – это рациональные ответы на определенные социальные проблемы и это нормально, когда народ выражает свою позицию следующим образом. Однако УВД должны вести ряд профилактических мероприятий для контроля таких выступлений и чтобы они не перерастали в преступные действия. Другие же допускают в своей модели иррациональность коллективного поведения и таким образом дискредитируют коллективный протест.

В современных теориях изучения нарушений общественного порядка играют свою роль криминологические, психологические, социологические и социально-психологические факторы в тесной взаимосвязи друг с другом. Криминологическая теория регрессии основана на природном агрессивном инстинкте человека и исходит из криминогенных факторов совершения преступления лицом в состоянии «коллективной агрессии». Психоаналитическая теория заражения обоснована захватом сознания бессознательными побуждениями, чувствами и аффектом. Социологические теории исходят из общественных и групповых принципов и обосновывают множественность причин массовых беспорядков, отмечая, что все они коренятся в конкретной социальной структуре. Так, например, в возникновении беспорядков могут быть повинны социально-экономические трудности, разочарование от несбывшихся ожиданий, фрустрация и все это приводит к выступлениям населения, что в свою очередь ведет к нарушению общественного порядка как формы сопротивления [4, с. 102–104].

По мнению С. Петрова толпа как элемент группового нарушения общественного порядка имеет ряд особенностей, социально-психологических феноменов, возникающих в нем. Несколько похожие исследования таких особенностей были сделаны зарубежными учеными раньше, что позволяет убедиться в их реальной действительности и важности при изучении природы толпы [5, с. 9 – 13].

Во-первых, это повышенная внушаемость людей. Поведение толпы оказывает сильное влияние, как на поведение отдельных ее участников, так и на реакцию

государственных органов. Люди верят в любую информацию, их критичность в оценках резко падает. Логика, здравый смысл, предвидение последствий, совесть, страх оказываются подавленными, поведение людей подчиняется импульсу «быть как все» [6, с. 83].

Во-вторых, в толпе человек теряет свою индивидуальность, в массе людей она деперсонализируется, ее интеллектуальный уровень снижается. Толпа обеспечивает анонимность, тем самым личная ответственность каждого перекладывается на толпу в целом, то есть создается впечатление, что ее участник ни за что не отвечает. Именно этим качеством толпа привлекает людей – вседозволенностью при минимуме ответственности.

В-третьих, жестокость толпы. Известный эффект Латейна, названный по имени исследователя, который впервые его описал. Чем больше людей находятся рядом, тем более вероятно, что каждый из них думает, что кто-то другой окажет помощь (и, как результат, никто не помогает). Повышенная эмоциональность и чувство безопасности толкают толпу на проявление агрессии даже к тому, к чему обычно относятся сдержанно [7, с. 218].

В-четвертых, лидерство. Толпа готова пойти за любым человеком, дающим повелительно четкие распоряжения. Опытный агитатор может подтолкнуть толпу к насилию, превратить группу обиженных людей в агрессивное, мстительное собрание. С другой стороны, даже один человек своим предложением, командой может успокоить толпу и увести ее в другом направлении.

В-пятых, паника. Она возникает, когда толпа чувствует близость опасности, а единственное спасение – бегство. Таким образом, толпа силой прокладывает себе дорогу, давая и сметая все и всех впереди [8, с. 312].

Учитывая эти факторы, можно сделать вывод, что в нормальной обстановке толпа может быть безопасной и контролируемой, такой, которая не будет нарушать общественный порядок. Основания беспокойства появляются, когда толпа выходит за эти нормальные рамки. Нарушение общественного порядка возникает тогда, когда толпа:

- а) собирается с целью открыто выразить свое недовольство по определенным вопросам, а затем переносит свой гнев на людей, имеющих к этим вопросам какое-то отношение и не согласны с толпой;
- б) бесконтрольно разрастается за счет интересных наблюдателей;
- в) подстрекается опытными агитаторами к противоправным действиям;
- г) состоит из двух или более групп с противоположными взглядами и позициями.

Криминологический аспект предотвращения нарушений общественного порядка характеризуется рядом методов профилактики таких преступлений. По нашему мнению, эффективным методом устранения причин возникновения такого рода преступлений является метод предварительного анализа потенциально опасных ситуаций. Это обеспечивается созданием специальных государственных служб охраны. Основной целью их работы должен быть сбор, анализ и прогнозирование опасного развития ситуации, что может спровоцировать насильственные действия массового характера. Это, в свою очередь, способствовало бы выявлению причин и условий возникновения опасной ситуации и могло бы существенно усовершенствовать расследования таких преступлений, совершаемых в ходе массовых беспорядков.

Для эффективной работы профилактических служб следует обратиться к опыту других стран. Так, например, в США существует специальная программа защиты известных лиц от нападающих, которые ради популярности в обществе могут совершить покушение на жизнь, путем подстрекательства населения во время массовых мероприятий. Одним из методов профилактики является создание в обществе впечатление о невозможности совершения потенциального преступления благодаря

средствам массовой информации [9, с. 109–110].

Активную позицию должна занимать общественность в предложенных методах профилактики нарушений общественного порядка. В середине 90-х гг. во Франции по инициативе общественности были созданы специальные криминологические ассоциации, оперативные группы, научные структуры, занимавшиеся криминологическими исследованиями в области общественной безопасности, организовывали обмен опытом между собой и создавали собственные типографии [10, с. 10–14].

Принимая этот опыт, наши специалисты могут разрабатывать собственные меры ситуативной профилактики преступности в общественных местах. Для этого с целью патрулирования в наиболее криминогенных местах могут создаваться специальные общественные группы по типу добровольных народных дружин, которые будут вооружены «легкими» средствами защиты для создания условий для психологического сдерживания потенциальных преступников от совершения противоправных действий. Следовательно, привлечение к профилактике нарушений группового порядка широкого круга общественности должно выступать достаточно важным средством повышения эффективности по выявлению причин и условий совершения толпой противоправных действий.

Украинские и российские ученые предлагают ряд рекомендаций для профилактики нарушений общественного порядка. Так, по мнению Ю. Антоняна нужно привлекать в места массового скопления людей частные охранные службы, которые были бы способны эффективно решать задачи надежной охраны объектов и живых лиц [11, с. 87]. Это определенно увеличило бы количество субъектов охраны таких мест, но, по нашему мнению, это могло бы также спровоцировать совершение новых преступлений, основанных на непрофессиональной подготовке таких специалистов именно к массовым беспорядкам или нарушениям общественного порядка, а также неподготовленности их психологической устойчивости. Такой же позиции придерживается и М. Яблоков [12, с. 45–53].

В некоторых странах в случаях, когда есть вероятность совершения преступлений против общественного порядка, что могут нанести вред интересам государства, полиция, осуществляя предварительное расследование, имеет право проводить обыски и аресты без санкции суда и даже без проверки исходных сведений о признаках преступления. Поразительно, что такие процессуальные меры могут применяться даже в случаях, когда точно не установлено лицо, совершившее преступление, или точно не установлены основания для проведения обыска [13, с. 513].

Ряд ученых поддерживают идею привлечения к мерам профилактики нарушений общественного порядка тайных агентов. Это несколько похоже на привлечение государственных структур Италии таких агентов для борьбы с мафией [14, с. 34 – 38].

Еще одним эффективным направлением предотвращения нарушений общественного порядка следует считать возможности средств массовой информации. Здесь важным является не только распространение информации о массовых беспорядках, но и информации о возможном наказании, а после суда – о характере приговора. Это создает соответствующее общественное мнение, нетерпимость и пренебрежение к мятежникам, что является превентивной мерой в борьбе с этими правонарушениями.

На основании вышеупомянутого заметим, что в Украине для повышения эффективности профилактики массовых беспорядков и нарушений общественного порядка необходимо принять меры для устранения условий существования массовой преступности, предусмотрев меры, направленные на создание корпоративной

ответственности участников беспорядков за все преступления, совершенные во время массовых противоправных действий.

Итак, в завершение следует сделать следующие выводы:

во-первых, поведение толпы во время различных стадий развития событий отличается своей криминогенностью и возможностью совершения преступлений;

во-вторых, «коллективный дух» толпы зависит от лидера и обладает способностью поглощать адекватное восприятие лицами действий, которые они совершают;

в-третьих, профилактика массовых беспорядков и нарушений общественного порядка является наиболее эффективным средством борьбы с этими преступлениями, а заимствованный зарубежный опыт создания условий для осуществления предварительного анализа развития потенциально опасных ситуаций уменьшает риск совершения таких преступлений;

в-четвертых, за совершение особо тяжких преступлений во время массовых беспорядков следует ввести корпоративную ответственность всех участников беспорядков несмотря на индивидуальный уровень их действий;

в-пятых, к профилактике массовых беспорядков следует активно привлекать СМИ, которые заранее доносили бы до сведения населения степень ответственности за участие в массовых беспорядках и предостерегали от таких действий.

Именно последний пункт, по нашему мнению, должен стать предметом дальнейших исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кримінальний кодекс України // Відомості Верховної Ради України (ВВР), 2001, N 25–26, 131 с.
2. Лебон Г. Психология народов и масс. – СПб.: Макет, 1995. – 311 с.
3. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого Я. // Психоаналитические этюды. Минск, 1997. – 601 с.
4. Блумер Г. Коллективное поведение / Пер. Д. Водотынского // Американская социологическая мысль: Тексты / Сост. Е. И. Кравченко; под В. И. Добренко. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 380 с.
5. Петров С. В. Рекомендации по организации деятельности ОВД в условиях межнациональных конфликтов. М., Академия МВД РФ, 2000. – 246 с.
6. Чалдини Р. Психология влияния [Текст] / Р. Чалдини. – СПб.: Питер-Ком, 1999. – 272 с.
7. Клиническая психология. Словарь. Под ред. Творогова Н. Д., ПЕР СЭ, Москва, 2007. – 416 с.
8. Социальная психология. С. И. Самыгин, Л. Д. Столяренко. – Ростов-на-Дону, 2000. – 576 с.
9. Security Management, 1999. – 4, №4. – Р. 315.
10. Профилактика преступлений на городском транспорте Парижа// Борьба с преступностью за рубежом, 1999. – №2. – 116 с.
11. Антонян А. М. Психология убийства. – М.: Юридическая литература, 1997. – 304 с.
12. Яблоков Н. П. Укрепление законности и борьба с преступностью // Вестник Московского университета, 1996. – №2. – С. 45–53
13. Лупинская П. А. Уголовный процесс: Учебник для вузов. – М.: Юрист, 1995. – 544 с.
14. Законодательство Италии о борьбе с организованной преступностью // Законность, 1993. – № 11. – 135 с.

BEHAVIORAL REACTIONS OF THE CROWD IN COMMITTING CRIMES AGAINST PUBLIC ORDER

© 2013

T.P. Gusak, post graduate of the criminal law and criminal procedure department
National Pedagogical University named after M.Dragomanov, Kiyiv (Ukraine)

Annotation: The article investigates the behavior of the crowd at various stages of committing crimes against public order. Characteristics of the crowd are analyzed in native and foreign literature and the results are compared. Criminological aspect of prevention breaches of public order is considered in the article. The author presents some prophylactics for juvenile delinquency.

Keywords: crowd, public order, preventive methods, juvenile delinquency, riots.

УДК 343.915

СТАНОВЛЕНИЕ ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ В УКРАИНЕ

© 2013

А.П. Гусак, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса
Восточноевропейский национальный университет имени Леси Украинки Луцк (Украина)

Аннотация: В статье рассматриваются основные проблемы ювенальной юстиции. Анализируются принципы и функции ювенальной юстиции. Рассматриваются определенные шаги по воплощению в жизнь прогрессивных положений международно-правовых актов в области «детской» юстиции.

Ключевые слова: ювенальная юстиция, преступность несовершеннолетних, восстановительное правосудие, реабилитация и ресоциализация несовершеннолетних.

В последние годы проблема внедрения элементов ювенальной юстиции в судопроизводство Украины стала очень актуальной, по крайней мере, необходимо широкое информационное обеспечение и подготовка кадров для ювенальной юстиции из числа судей и специалистов пенитенциарной системы. Наличие разных позиций и подходов по поводу правосудия для несовершеннолетних приводит к тому, что сейчас основной вопрос в этой сфере заключается уже не в том, быть ли в Украине «детской» юстиции, а в том, какой именно ей быть. На наш взгляд, наметились позитивные сдвиги в этой сфере, а также медленная, но достаточно стойкая трансформация системы правосудия от преобладания карательной модели правосудия к реституционной и реинтеграционной ее моделей.

Надо отметить, что в Украине уже сделаны определенные шаги для воплощения в жизнь прогрессивных положений международно-правовых актов, что дает основания говорить о позитивных изменениях в национальном (внутригосударственном) законодательстве. В течение 2001 г. Верховная Рада Украины приняла законы: от 26 апреля в 2001 г. № 2402-III «Об охране детства», от 21 июня в 2001 г. № 2558-III «О социальной работе с детьми и молодежью», от 15 ноября в 2001 г. № 2789-III «О предупреждении насилия в семье», а еще в 1995 г. принят Закон от 24 января в 1995 г. № 20/95-ВР «Об органах и службах по делам несовершеннолетних и специальных учреждениях для несовершеннолетних», в котором предвидено создание при судах института судебных воспитателей, положения о котором утверждаются Верховным Судом Украины, Министерством юстиции Украины, Министерством образования Украины [4, с. 27].

В течение 2004 г. Пленум Верховного Суда Украины принял два постановления: от 27 февраля в 2004 г. № 2 «О применении судами законодательства об ответственности за втяжение несовершеннолетних в преступную или другую антиобщественную деятельность» и от 16 апреля № 5 «О практике применения судами Украины законодательства по делам о преступлениях несовершеннолетних».

В настоящее время в судах Украины практикуется специализация судей, рассматривающих дела о преступлениях несовершеннолетних, и это является весомым шагом для введения ювенальной юстиции.

Во многих странах Европы успешно действуют программы восстановительного правосудия. В течение последних лет активизировалось движение относительно ввода программ восстановительного правосудия в стра-

нах Восточной и Центральной Европы. Приобретенный ими позитивный опыт позволяет говорить о целесообразности внедрения отмеченных программ в Украине.

Восстановительное правосудие базируется на идеях примирения конфликтующих сторон, прекращения самого конфликта (исключая осуждение и наказание виновников конфликта) путем взаимного извинения, раскаяния в содеянном, осознания моральной и юридической ответственности за совершенное преступление и обязанности возмещения причиненной жертве физического, морального и материального вреда.

Институт ювенальной юстиции функционирует на принципах повышенной юридической защиты несовершеннолетних, максимальной индивидуализации судебного процесса в ювенальном суде, широкого использования в процессе неюридических специальных знаний с привлечением на помощь суда соответствующих специалистов.

Рассмотрим подробнее функции ювенальной юстиции.

1. *Охранная.* Обеспечение судебной защиты несовершеннолетнего как потерпевшего, подсудимого, осужденного путем закрытия дела о преступлении несовершеннолетнего или о посягательстве на преступление, уменьшение меры наказания в связи с несовершеннолетием в соответствии с Уголовным кодексом Украины; предоставление преимущества воспитательному влиянию перед принудительными мероприятиями; этот принцип связан с восстановительной и примирительной функциями.

2. *Восстановительная и примирительная.* Ювенальная юстиция должна базироваться на восстановительном принципе. В этом ее существенное отличие от современного «взрослого» правосудия. Правосудие по делам несовершеннолетних должно быть не карательным, а прежде всего таким, которое возобновляет нарушенные права и свободы жертвы преступления или потерпевшего от правонарушения, способствует осознанию правонарушителем необходимости отвечать за свои поступки и осуществлению мероприятий для возмещения нанесенного вреда [3, с. 10]. Разрешения конфликтов и решения ситуаций, связанных с правонарушениями, происходят путем достижения понимания между сторонами судебного процесса с привлечением их социального окружения.

3. *Реабилитационная.* Реабилитация касается и ребенка, потерпевшего от жестокого обращения или небрежной заботы, и несовершеннолетнего правонарушителя, который должен быть ресоциализирован. Для

этого ювенальный суд должен стать координатором программ и проектов, а также центральной институцией среди ряда государственных и негосударственных учреждений, работающих с детьми [6, с. 39].

Рассмотрим основные концептуальные принципы ювенальной юстиции.

1. Осуществление профилактической деятельности, направленной на предупреждение противоправного поведения среди детей и несовершеннолетних:

- создание и внедрение в систему ювенальной юстиции государственных органов, заботящихся о детях и несовершеннолетних, профилактических программ, основанных на восстановительных принципах;
- разработка дополнительных и совершенствование имеющихся программ для поддержки, повышения значимости семьи, общества и окружающих в жизни ребенка.

2. Реформирование системы правосудия относительно несовершеннолетних в направлении изменения способа реагирования на правонарушение из карательного на восстановительный, реабилитационный, охранный:

- создание системы ювенальных судов;
- гуманизация ювенального судопроизводства;
- особый подход к несовершеннолетним во время досудебного следствия;
- развитие альтернативных мероприятий криминального преследования (таких, как программы восстановительного правосудия);
- развитие и внедрение системы предоставления юридической, психологической помощи и поддержки несовершеннолетним правонарушителям и потерпевшим в процессе осуществления правосудия;
- развитие и внедрение программ восстановительно-го правосудия в ювенальную юстицию.

3. Обеспечение функционирования системы реабилитации несовершеннолетних правонарушителей для их социализации и социальной реинтеграции – ресоциализации:

- гуманизация и усиление реабилитационной, воспитательной и профилактической функции учреждений криминально-исполнительной системы и учреждений, заботящихся об осужденных несовершеннолетних и теми, кто вышел из мест лишения свободы;
- внедрение восстановительного принципа в деятельность криминально-исполнительных и реабилитационных учреждений, работающих с несовершеннолетними;
- разработка и внедрение в систему реабилитации несовершеннолетних правонарушителей широкого круга мероприятий воспитательного и профилактического характера;
- создание института пробации для несовершеннолетних, к функциям которого, в частности, будут принадлежать.

Ресоциализацию несовершеннолетних правонарушителей можно рассматривать как цель государства и общества относительно лица, преступивших закон или склонных к подобным действиям; как социальный процесс, в рамках которого происходит взаимодействие лица правонарушителя с социальной окружающей средой, а также целеустремленное действие на внутренние установки лица правонарушителя со стороны социальных институтов и отдельных личностей в виде совокупности способов действия правового, организационного, психолого-педагогического и воспитательного характера. Ресоциализация происходит на всех этапах, начиная с момента осуществления правонарушения к моменту закрепления стабильного законопослушного поведения. Этот процесс направлен на возобновление индивида в качестве социализированного члена общества, с целью недопущения рецидива правонарушений, и носит частичный характер, поскольку затрагивает отдельные группы по тем или другим причинам, требующих коррективы своих представлений и принципов поведения, требуя дифференцированного подхода.

Социально-психологическую работу с осужденными можно представить как основное направление деятельности учреждений, исполняющих уголовные наказания – лишения свободы, главной целью которых является содействие ресоциализации осужденных и интеграции их в общество. Решающим фактором ресоциализации осужденных является создание в исправительных учреждениях целостной исправительной системы, основанной на принципах гуманности, на адекватности социально-психологической структуры лица с учетом всех уровней психики человека. Кроме того, осужденный должен быть субъектом собственного превращения по формированию социально-моральной стойкости к негативным влияниям среды.

Особая роль в этом процессе отводится усилению роли общественности в процессах профилактики совершения повторных правонарушений, реабилитации и перевоспитания несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы, наказаний, не связанных с лишением свободы, и тех, которые вышли из мест лишения свободы [10, с. 139].

13 января в 2005 г. принят Закон № 2342-IV «Об обеспечении организационно-правовых условий социальной защиты детей-сирот и детей, лишенных родительской заботы», в которой определены правовые, организационные, социальные принципы и гарантии государственной поддержки детей-сирот и детей, лишенных родительской заботы, и который является составляющей законодательства об охране детства [4, с. 54].

Одним из вопросов, требующих неотложного решения, является вопрос социальной адаптации, то есть создания условий, при которых ребенок был бы менее уязвимым и которые давали бы ему возможность противостоять разным неблагоприятным ситуациям, в том числе и таким, которые побуждают несовершеннолетнего к совершению преступлений и к рецидивам.

Анализ состояния преступности несовершеннолетних в Украине, а также законодательства, определяющее их правовой статус и полномочия судов, правоохранительных органов и пенитенциарной системы, возможностей реабилитации несовершеннолетних правонарушителей дает основания для однозначного вывода о необходимости создания в Украине ювенальной юстиции путем реформирования имеющихся и ввода новых институций, привлечения негосударственных организаций [8, с. 79].

Таким образом, ювенальная юстиция – это основанная на специфических принципах особая система защиты прав несовершеннолетних, включающая в себя совокупность государственных органов, деятельность которых осуществляется совместно с соответствующими методико-психологическими, социальными службами помощи детям и подросткам посредством механизма защиты прав ребенка, применяемых для обеспечения реализации его прав. Цель ювенальной юстиции – это воспитание несовершеннолетних путем уменьшения вредного влияния на них фактора вовлечения в уголовное судопроизводство.

Юридическую основу ювенальной юстиции составляют правовые акты, регламентирующие деятельность ювенальных судов, и нормативные акты, направленные на защиту прав несовершеннолетних. Ювенальная юстиция основана на понимании причин преступного поведения с целью извлечения несовершеннолетнего из неблагоприятных условий окружающей среды, оказывающих на него отрицательное влияние и поиске эффективных индивидуальных способов воздействия на виновного, альтернативных уголовному наказанию, позволяющих предотвратить его дальнейшее негативное развитие и восстановить нарушенные права потерпевших.

Ювенальная система защиты прав несовершеннолетних представляет собой теоретико-правовую конструкцию, включающую комплекс механизмов юридического, социально-корректирующего, медицинского, психо-

лого-реабилитационного, воспитательно-превентивного характера, направленных на обеспечение благополучия несовершеннолетнего в обществе и реализующихся в рамках деятельности специализированных служб и учреждений ювенального профиля. Именно эти вопросы требуют дальнейшего решения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гусарев С. Д., Карпов О. М. Юридична деонтологія: Навч. посібник. – Київ, 2001. – 156 с.
2. Коментар до Конституції України: Підруч. Вид. II, доповнене / За ред. В. В. Копейчикова. – К., 2000, – 276 с.
3. Конституція України – основа подальшого розвитку законодавства: Зб. наук. прац. – Вип. 2. – К.: Ін-т законодавства Верховної Ради України, 1997. – 320 с.

4. Конституція України, прийнята на п'ятій сесії Верховної Ради України 28.06.1996 р.
5. Котюк В. О. Теорія права. – К., 2002, – 412 с.
6. Кримінальний кодекс України, прийнятий Верховною Радою України 5.04.2001 р. № 2341-III.
7. Кримінально-процесуальний кодекс України, затверджений Законом України від 28.12.1960 р.
8. Молдован В. В., Мелашенко В. Ф. Конституційне право. – К., 2003, – 254 с.
9. Основи правознавства / За ред. І. Б. Усенка. – К.; Ірпін: ВТФ «Перун», 2003. – 416 с.
10. Правознавство: Навчальний посібник. / За загальною редакцією В. Г. Гончаренка. – К., – 2002, – 243 с.
11. Сімейний кодекс України, прийнятий 10.01.2002 р. № 2947-III.

FORMATION OF JUVENILE JUSTICE IN UKRAINE

© 2013

A.P. Husak, doctor of philosophy, docent of the department of criminal law and criminal procedure
Eastern European National University, Luck (Ukrainian)

Annotation: The main problems of juvenile justice are analyzed in the article. A special attention is paid to the problem of principles and functions of juvenile justice. The author presents a special steps for implementation of progressive international acts into the activity juvenile justice.

Keywords: juvenile justice, juvenile delinquency, rehabilitation and resocialisation of juveniles.

УДК 94(477.62)

РУССКИЕ В НАЦИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ ДОНБАССА (1959 – 2001 гг.)

© 2013

В.Н. Докашенко, доктор исторических наук, профессор кафедры
«Отечественная и зарубежная история»

Горловский институт иностранных языков Донбасского государственного педагогического университета, Горловка (Украина)

Аннотация: В статье прослеживается динамика заселения Донбасса представителями некоренной нации, включая граждан РСФСР и других союзных республик. Понятие русификация, широко используемое в украинской историографии, толкуется с точки зрения наличия в нем объективной и субъективной составляющих, что дает основание утверждать о закономерном росте русского языка в регионе.

Ключевые слова: миграция населения, русский язык, украинский язык, русификация, нация, национальный вопрос, национальная структура населения, национальные меньшинства.

Донбасс традиционно играл ведущую роль в экономической жизни сначала Российской империи, а потом и СССР. Практически со дня своего основания он превратился в центр экономического развития, что обусловило его заселение представителями разных национальностей и, в первую очередь, русскими. При этом, значительная часть народов, называемых в Российской империи не иначе как «иностранцы», использовали русский язык как средство межнационального общения. Новая империя с ее лозунгами пролетарского интернационализма и всевозможными «прыжками» в «светлое будущее» еще больше повысили значимость Донбасса, превратив его во Всесоюзную кочегарку.

Независимой Украине Донбасс достался с развитой, хотя и устаревшей индустриальной инфраструктурой, букетом социальных и экологических проблем и чрезвычайно пестрым национальным составом населения. Поэтому с точки зрения остроты экономических, социальных, экологических, даже языковых вопросов, не говоря о его значимости в структуре экономики страны, регион требует особого отношения и, тем более, тщательно взвешенной политики. Среди огромного числа проблем нами избрана проблема численности русского населения в регионе Донбасса. С ней тесно связаны вопросы утверждения в регионе украинского языка, характер формирования межнациональных отношений, воспитания чувства патриотизма у подрастающего поколения и многое другое. Другими словами, речь идет об особенностях формирования и упрочения украинской нации в условиях постсоветского времени. Естественно, что эта проблема в равной степени волнует не только историков, но и социологов, лингвистов, этнологов и

представителей многих других наук. Тем более, что время от времени, вокруг русской составляющей в национальной структуре Донбасса некоторыми политиками искусственно нагнетается определенная напряженность. К счастью, подавляющее большинство граждан самых различных национальностей региона в повседневной жизни какой-либо дискриминации не ощущают.

Историография проблемы представлена достаточно широким спектром научных разработок. Концептуальную значимость для рассмотрения проблемы русскоязычного населения представляют работы Л. Нагорной, посвященные проблемам социокультурной и региональной идентичности [1]. Фундаментальный характер носят также исследования В. Романцова, посвященные исследованию динамики роста численности населения Украины и его языка за длительный исторический период [2].

Вместе с тем, нельзя не отметить ряд исследований, для которых характерна ярко выраженная политическая окраска. Такой подход, в частности, характерен для работы Гироаки Куромия «Свобода и террор в Донбассе. «Украинско-русское пограничье, 1870–1990-е годы», которая хотя и одна из наиболее цитируемых среди исследований по национальной проблематике Донбасса, но последних она касается только разве что в политической плоскости. При этом в работе, как нам кажется, в ряде вопросов отсутствует должная аргументация. К примеру, автор даже не считает нужным объяснить свою достаточно сомнительную сентенцию об обострении антисемитизма в обществе, находящемуся на этапе его индустриального развития [3, с. 477].

К сожалению, в некоторых работах тщательный

анализ национальных проблем Украины подменяется политически ангажированной риторикой, сопровождающейся неприкрытой неприязнью к одной из наиболее многочисленных меньшинств, населяющих республику. Так, численное возрастание русских на территории нынешних украинских земель зарубежный исследователь из украинской диаспоры в Европе В. Кубиёвич связывает исключительно с господством большевистского режима. При этом во внимание не принимается экономическая и социальная притягательность украинских земель, находящихся на стадии бурного экономического развития; то есть, из анализа по существу исключается объективная составляющая национального формирования региона [4].

В этой связи, в противовес сказанному, выгодно отличается аргументация современного украинского исследователя Ю. Николайца. Во введении к своему труду он абсолютно справедливо, с нашей точки зрения, акцентирует внимание на сложности и неоднозначности формирования этнической структуры региона, в котором тесно переплелись «как интересы многих государственных образований, так и интересы отдельных социальных и этнических групп, продиктованных в первую очередь экономическими и социальными проблемами» [5, с. 5]. Объективную, по нашему мнению, ретроспективу процесса заселения Донбасса представляет исследование Н. Малярчука «Русские в Донбассе (20–30 гг. XX века). Автор однозначно связывает переселение россиян и их последующее количественное преобладание в регионе, по сравнению с другими национальными меньшинствами, с началом промышленной колонизации [6, с. 41].

Определенный интерес вызывает исследование львовского историка И. Терлюка, посвященное той же проблеме, но несколько в другом хронологическом измерении и в границах западноукраинских земель. Отдавая должное скрупулезности анализа, проведенному автором и иллюстрированного большим количеством статистического материала, не можем вместе с тем не обозначить и того, что из его поля зрения абсолютно выпала объективная сторона вопроса. Последнее, в равной мере относится к объяснению причин количественного роста россиян в западноукраинском регионе и возрастание числа русскоговорящего населения за счет уменьшения украиноговорящего [7].

Кроме субъективного фактора, к которому представляется возможным отнести национальную политику тоталитарного государства, на которой не без оснований акцентирует внимание автор, действовал также и фактор объективный, цивилизационный, характерный не только советского пространства, но и присущий другим, несоциалистическим странам мира. Поэтому сведение проблемы только к особенностям национальной политики тоталитаризма – самое простое объяснение, которое может быть в исследовании, и, по нашему мнению, наименее убедительное. Такой подход не раскрывает сущности национальных процессов. Он ориентирует исследователей на изучение внешних, наиболее доступных, видимых маркеров. Без учета объективной стороны процесса это только усложняют научное разрешение проблемы.

Таким образом, предварительный анализ научной литературы позволяет сделать вывод о достаточно широкой историографии проблемы, но одновременно он свидетельствует и об отсутствии однозначных взглядов по ее научному разрешению. Последнее как раз и дает нам основание для прослеживания динамики процесса российского заселения территории Донбасса с 1959 по 2001 г. Именно количественная сторона вопроса и его динамика лежат в основе разрешения многих других проблем, связанных с изучением языка, культуры, образования, которые являются объектом многих исследований

количественного роста русских в национальной структуре Донбасса в течение длительного исторического периода. Надеемся, что полученные результаты будут интересны не только представителям различных наук, но помогут также принять действенные меры по разработке образовательной и языковой политики в этом важном для Украины регионе. Основной источниковой базой нашего исследования служат результаты Всесоюзных переписей населения 1959, 1970, 1979, 1989 гг. и первой Всеукраинской переписи населения 2001 г.

На основании указанных источников разработана нижеприведенная таблица, позволяющая проследить динамику процесса заселения русскими Донецкой и Луганской областей в контексте других, наиболее многочисленных для Донбасса национальностей [8].

Таблица 1 - Динамика изменений национальной структуры населения Донбасса

Название области и национальный состав населения	Перепись 1959 г.	Перепись 1970 г.	Перепись 1979 г.	Перепись 1989 г.	Перепись 2001 г.
абсолютные данные и в процентах					
Донецкая:					
всего населения:	4262,0	4891,9	5160,6	5311	4825,5
в том числе:					
украинцев.....	2368,1/55,	2596,8/53,0	2622,5/50,8	2693,4/50,7	2744/56,9
русских.....	1601,2/37,	1987,2/40,6	2225,3/43,1	2316,0/43,6	1844,4/38,2
греков.....	93,2/2,2	93,9/1,9	90,5/1,7	83,6/1,6	77,5/1,6
белорусов.....	63,3/1,5	77,8/1,6	75,8/1,5	76,9/1,4	44,5/0,9
татар.....	24,5/0,57	26,7/0,54	26,0/0,50	23,5/0,48	19,2/0,4
Луганская:					
всего населения:	2542,2	2750,5	2786,7	2857,0	2540,2
в том числе:					
украинцев.....	1416,3/55,	1506,5/54,8	1472,7/51,2	1482,2/51,9	1472,3/58,0
русских.....	950,0/38,7	1148,3/41,7	1222,0/43,8	1279,0/44,8	991,8/39,0
греков.....	25,8/1,0	36,1/1,3	33,5/1,2	33,5/1,2	20,6/0,8
белорусов.....	12,6/0,51	12,8/0,5	12,4/0,4	11,0/0,4	
татар.....					
Донбасс					
всего населения:	6804,2	7524,4	7947,3	8168,8	7365,7
в том числе:					
украинцев.....	3784,4/55,	4103,3/54,5	4095,2/51,5	4175,4/51,1	4216,4/57,24
русских.....	2551,2/37,	3135,5/41,7	3447,3/43,4	3595,0/44,0	2836,2/38,5
греков.....	93,2/1,37	93,9/1,24	90,5/1,13	83,6/1,02	77,5/1,05
белорусов.....	89,1/1,30	113,9/1,51	109,3/1,37	110,4/1,35	65,1/0,9
татар.....	37,1/0,54	39,5/0,52	38,4/0,48	37,4/0,45	27,7/0,38

Таблица 1 свидетельствует о стабильном росте численности населения как в одной, так и в другой областях Донбасса включительно до 2001 г. При этом нельзя не отметить и постепенного падения темпов. Если продолжить расчеты таблицы, то наиболее высокие темпы прироста численности населения отслеживаются по переписи 1970 г. По сравнению с предыдущей переписью 1959 г. количество жителей Донецкой области увеличилось на 629,9 тыс. человек или на 14,8%. Луганская область таких темпов не показала. Число жителей тут выросло на 208,3 тыс. т. е. на 8,2%

Среди общей численности населения областей количество жителей коренной национальности в Донецкой области выросло на 228,7 тыс. (9,6%), а в Луганской – 90,2 тыс. (6,3%). При этом удельный вес украинцев в 1970 г. составлял 53,0% и 54,8% соответственно. На последнем показателе остановимся подробнее, поскольку его сравнение с аналогичными данными за 1959 г. показывает уменьшение удельного веса украинского населения в республике. Уменьшение удельного веса украинцев за этот период составило в Донецкой области – 2,6%, а в Луганской – 2,9%. В общем, по Донбассу удельный вес украинцев снизился на 1,1%. Таким образом, 1970 год является годом, в котором перепись населения зафиксировала количественный рост украинцев в общей структуре населения и, одновременно, уменьшение их удельного веса. За это десятилетие произошло также увеличение численности национальных меньшинств. В Донецкой области количество представителей греческой национальности выросло на 0,7 тыс. человек (0,7%). Однако их удельный вес при этом уменьшился с 2,2% до 1,9%. Аналогичная ситуация сложилась и с численностью татарского населения. В количественном отношении увеличение составило 2,2 тыс. человек (8,9%). Его удельный вес при этом уменьшился с 0,57% до 0,54%. Белорусское национальное меньшинство выросло на 14,5 тыс. (22,9%), но его удельный вес в общей структуре населения не уменьшился, как в греческом и

татарском меньшинствах, а увеличилось на одну десятую процента – с 1,5% до 1,6%.

Белорусское и татарское меньшинство в Луганской области за это период тоже выросли: на 10,3 тыс. (39,9%) и 0,2 тыс. (1,6%) соответственно. При этом удельный вес белорусов в общей структуре населения увеличился на три десятых процента, а татар, наоборот, уменьшился на одну сотую. Впрочем, последнее можно не брать во внимание, так как эта величина находится в пределах допустимой ошибки.

Таким образом, в большинстве национальных меньшинств, которые проживали на территории Донбасса, прослеживается позитивная динамика и в плане количественного роста, и в плане удельного веса в общей структуре населения. Незначительные отклонения показателей в сторону уменьшения, вряд ли свидетельствуют о возникновении какой-либо угрозы для каждой из перечисленных меньшинств.

Российское меньшинство, судя по количественной стороне вопроса и темпах его возрастания, которое можно назвать таковым разве что со значительной долей условности, уступало коренной нации разве что долей в общей структуре населения. За время, что прошло от первой послевоенной переписи темпы роста численности русских превышали темпы, количественно роста украинцев. В Донбассе в количественном отношении украинское население выросло с 3784,4 человек до 4103,3 тыс. человек, то есть на 7,8% (на 9,6% в Донецкой области и 6,4% в Луганской), то количество русских за это время выросло тут на 22,9% (24,1% у Донецкой и 20,8% в Луганской областях).

Несмотря на количественный рост украинского населения, его удельный вес уменьшился в Донецкой области с 55,6% до 53,0% (2,6%) и с 57,7% до 54,8% (2,9%) в Луганской области. В целом по Донбассу доля украинцев в общем объеме населения уменьшилась с 55,6% до 54,5%, то есть на 1,1%. Очевидно, что из-за такой разницы в темпах роста украинского (7,8%) и российского (18,6%) населения в Донбассе вряд ли стоило ожидать другого результата. Превышение прироста русского населения над украинским более чем в два раза не требует каких-либо комментариев, но требует выяснения причин.

Можно, конечно, все свести к печально известной русификации, лежащей в основе национальной политики тоталитарного государства, не разделяя ее на объективную и субъективную составляющие. Однако «списывая» все «грехи» национальной политики исключительно на тоталитаризм мы вряд ли приблизимся к истине. Объем публикации не позволяет нам полностью раскрыть причины этого явления. Поэтому со всего возможного их перечня мы выделим только аспект миграции, направленной из союзных республик на Украину, в целом, и в Донбасс, в частности. Основание для более или менее точных расчетов дают материалы переписи населения 1970 г. [8]. При проведении переписи к числу мигрантов было отнесены те, кто проживал в данной местности менее двух лет. Таким образом, по состоянию на 1970 г. на территории Донецкой области менее двух лет было отнесено 52844 человека, а на территории Луганской – 76445 человек. Все они прибыли из Российской Федерации, Белорусской ССР, Казахской ССР и других союзных республик. Всего за этот период прибыло 129285 человек. На первый взгляд цифра не впечатляет, поскольку составляет всего 1,72% всего населения региона. Но при более внимательном рассмотрении впечатление меняется. Если учесть, что при переписи населения в расчет принимались лица, проживающие в Донбассе менее двух лет (внутриреспубликанская миграция нами во внимание не принималась), а также то, что со времени предыдущей переписи прошло более 10 лет, то это означает, что количество прибывших из перечисленных выше республик могло увеличиться в 5 раз. В таком случае, количество прибывших на постоянное

место жительства в Донбасс по состоянию на 1970 г. составит уже не 129 тысяч, а около 650 тыс. человек, что составит 8,6% от общего количества его населения. В то же время увеличение численности лиц украинской национальности за этот же период времени составил всего 319 тыс. человек.

Таким образом, число прибывших из других республик более чем в два раза превышало увеличение числа украинцев. Если же подобные расчеты перенести на всю Украинскую ССР, то выяснится, что за два неполных последних года сюда переехало около 590 тыс. человек, что в расчете за десятилетие составит около 3 млн. человек. В таком случае Донбасс каждые два года принимал около 22% лиц, прибывших на постоянное место жительства из других республик в УССР.

Безусловно, имел место и обратный отток, но вряд ли он был больше того, что направлялся в Донбасс и Украину в целом. Кроме того, очевидно, что этот возможный отток с лихвой компенсировался детьми, родившимися в русских семьях, прибывших из РСФСР и других союзных республик. Эти выводы принципиально важны для нашего исследования, так как они свидетельствуют о масштабе миграции населения в Донбасс.

Если продолжить подсчеты по увеличению численности украинского и русского населения Донбасса по предложенной выше таблице, то получим следующие результаты: численное увеличение украинцев по переписи 1970 г., по сравнению с 1959 г., составило 7,8%. В 1979 г., по сравнению с 1970 г. – 0,2%, в 1989 г. в сравнении с 1979 г. – 1,9%. В то же время рост численности лиц, считающих себя по национальности русскими, составил соответственно – 18,6%, 9,0%, 4,3%. Таким образом, среднее увеличение числа украинцев за весь исследуемый период составило – 3,3%, а русских – 10,6%.

Приведенные расчеты требуют переосмысления некоторых стереотипов. В первую очередь, очевидно, следует уточнить сущность понятия «русификация», несущего в себе определенную часть искусственных, сильно навязываемых действий со стороны властных структур. Для этого, наряду с его субъективной составляющей, необходимо выделять и объективную. То есть, если мы, опираясь на Всесоюзные переписи населения, подчеркиваем высокие темпы русскоязычного заселения Донбасса, то мы не должны толковать его исключительно как действия режима, направленные против Украины и в ущерб ее народу.

Объективная сторона вопроса требует выяснения комплекса причин столь высокого уровня переселения в Украину, как русских, так и представителей других народов, для которых русский язык стал средством межнационального общения. Очевидно, что в первую очередь необходимо изучить экономический потенциал регионов, из которых они переезжали в Донбасс. Уже тот незначительный перечень донбасских «донорских территорий», который приводится в материалах переписей, позволяет допустить, что ехали сюда россияне и русскоязычные представители других республик в поисках работы, достойного заработка и более-менее сносного снабжения продуктами питания, то есть, тех благ, недостаток которых они ощущали. Наверное, надо вспомнить и то, что Донбасс входил в ту категорию снабжения продуктами питания, немалого уступающую столичным городам. В пользу нашего вывода говорит, к примеру, то, что резкое ухудшение экономической ситуации в период 90-х годов привело к значительному оттоку россиян.

Если признать объективную составляющую процесса миграции, то это, очевидно, должно привести к тщательному изучению идеологической наполненности национальной политики высших, местных и партийных органов власти. Признавая объективную сторону русификаторской политики, мы непременно должны исходить также из права русскоязычного населения на свой язык, культуру, книги, периодические издания, школы, театры и прочее.

Другими словами, нам необходимо избавиться от жупела русификаторства и наполнить содержание этого понятия основательностью и академичностью, что лишит представителей разных политических конфигураций возможности пользоваться особенностями формирования этнической структуры Донбасса в своих узко партийных интересах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нагорная Л. П. Региональная идентичность: украинский контекст. К.: ІПЕНД імені І.Ф.Кураса НАН України, 2008. 405 с.; Нагорная Л. Соціокультурна ідентичність: ловушки ціннісних розгріначень. К., 2011. 320 с. (на українському мові).
2. Романцов В. О. Население Украины и ее родной язык во времена советской власти и независимости (XX – начало XXI века). К.: изд-во имени Елены Телиги, 2008. 184 с. (на украинском языке).
3. Куромия Гироаки. Свобода и террор в Донбассе. Украинско-российское пограничье, 1870 – 1990-е годы. (Пер. з англ. Г. Херян, В. Агеев; Предесл. Г. Немыри). К.: изд-во Соломии Павлычко «Основа», 2002. 510 с.
4. Кубиевич В. Национальный состав населения Советской Украины в свете советских переписей с 17.12.1926 по 1959 г. Отпечаток со сборника посвященного памяти З. Кузели. Записки НТШ т. LXIX. Париж, 1962. 16 с. (на украинском языке).
5. Николаец Ю. А. Поселенческая структура населения Донбасса: (этнополитический аспект динамики). Монография. К.: ІПЕНД імені І. Ф. Кураса НАН України, 2012. 188 с. (на українському мові).
6. Малярчук Н. Г. Россияне в Донбассе (20-30 pp. XX века.). Монография. Донецк: П. П. Чернецкий, 2011. 354 с. (на украинском языке).
7. Терлюк И. Русские западных областей Украины (1944–1996 гг.) (Этносоциологическое исследование) / Иван Терлюк. Львов: Центр Европы, 1997. 176 с. (на украинском языке).
8. Таблицу составлено на основании данных: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. Украинская ССР. М.: Госполитиздат, 1963. – 210 с.; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Миграция населения. Число и состав семей в СССР/ ЦСУ СССР. – М.: Статистика 1974. – 455 с. Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Том IV. Национальный состав населения СССР. Часть 2. Распределение населения отдельных национальностей СССР по полу, возрасту, языку, состоянию в браке и уровню образования; Национальный состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. – М.: Статистика, 1991. – 158 с.; Итоги Всеукраинской переписи населения 2001 г. // Режим доступа: <http://2001.ukrcensus.gov.ua>

RUSSIAN IN THE NATONAL STRUCTURE OF DONBASS (1959 – 2001)

© 2013

V.N. Dokashenko, doctor of historical sciences, professor of «Native and world history department»
Horlivka Institute for Foreign Languages of the State Higher Educational Establishment «Donbass State Pedagogical University», Horlivka (Ukraine)

Annotation: The article traces the settlement dynamics of Donbass non-indigenous population based on the census, including people from the RSFSR and other Soviet republics. The concept of russification, used in Ukrainian historiography, is interpreted from the point of view of its having objective and subjective components, which gives grounds to assert that such active growth of the Russian language in the region follows a consistent pattern.

Keywords: migration of the population, the Russian language, the Ukrainian language, russification, nation, nation issue, national structure of the population, national minorities.

УДК 376.3

ЗНАЧЕНИЕ РЕАБИЛИТАЦИИ В ПРОЦЕССЕ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ С ДЕФЕКТОМ ЗРЕНИЯ В ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

© 2013

Ю.Е. Криводанова, психолог отделения социальной реабилитации несовершеннолетних
с ограниченными умственными и физическими возможностями здоровья
Бийский территориальный центр социальной помощи семье и детям, Бийск (Россия)

Аннотация: Формирование ценностных ориентаций и жизненных смыслов лиц с дефектом зрения имеет большое значение для их самореализации в обществе зрячих людей.

Ключевые слова: самореализация личности, трудовая деятельность, реабилитация незрячих, дефект зрения.

Потеря зрения является тяжелым психологическим потрясением для человека, в результате которого происходит потеря смысла жизни и ее обесценивание. Данная проблема приводит к тому, что люди с дефектом зрения замыкаются в себе, на своих проблемах и состояниях, не стремятся находить цель в жизни, в новой сложившейся для них ситуации, не идут на контакт со зрячими людьми. [1]

Актуальность проблемы социализации незрячих и слабовидящих определяется их местом в обществе, а главное, тем обстоятельством, что все они могут быть включены в жизнь общества в качестве не только социально полноправных, но и творчески активных его членов. На этой основе стало возможным оказание психологической помощи лицам с врожденным или приобретенным дефектом зрения в процессе подготовки их к выбору профессии, к самому процессу обучения в различных вузах и средне-специальных учебных заведениях, а в итоге – к осуществлению трудовой деятельности и, на этой основе, к завоеванию своей социальной позиции в

обществе. Психологическая помощь лицам с врожденным и приобретенным дефектом зрения оказывается с целью снятия у них негативных факторов, затрудняющих социализацию данного контингента лиц в обществе зрячих, а также формирование их жизненных смыслов и ценностных ориентаций в сфере профессионального и личностного становления. С этой целью с ними проводится коррекционная работа. [2]

Психокоррекция незрячих и слабовидящих – это направленное воздействие на определенные структуры, которое не всегда адекватно в силу определенных искажений.

Психокоррекция при слепоте и слабовидении применяется с целью обеспечения полноценного развития и функционирования человека с дефектом зрения (Г.Ю. Мартынова).

Это обоснованное воздействие на внутренний мир человека, в ходе которого психолог имеет дело с конкретными проявлениями переживаний и действий человека.

Психокоррекция как форма работы впервые возникла в тифлопсихологии применительно к различным вариантам отклонений в психическом развитии личности. Она представляет собой совокупность воздействий, направленных на исправление и компенсацию недостатков отклонений в психическом развитии человека.

В тифлопсихологии психокоррекция призвана решать задачи профилактики вторичных отклонений в психическом развитии личности связанных с наличием дефекта зрения. Психологическая помощь – это звено в системе реабилитации незрячих. Необходимость индивидуальной и групповой психологической помощи инвалидам по зрению остро чувствуется психологом в процессе общения со незрячими и слабовидящими людьми. [3]

Изучение особенностей слепых в Бийском ЦРС имени М.Н. Наумова показало, что дезадаптация, как форма поведенческого отреагирования последствий дефекта зрения, наблюдается не только в период непосредственно после потери зрения, но и в течение последующей жизни у незрячего человека может возникнуть несколько кризисных периодов, вызывающих психическую дезадаптацию, приводящую к затруднениям в сфере социализации лиц с дефектом зрения в обществе зрячих людей. Однако, данная проблема характерна не только для лиц с приобретенным дефектом зрения. Она возникает и у лиц с врожденным зрительным дефектом, и здесь всё зависит от социального окружения человека, от воздействий школы и семьи на процесс личностного становления человека.

Время от времени каждый человек может попадать в критические ситуации, встречая препятствия, трудности, терпя неудачи, а кризисные ситуации при длительном воздействии могут вызвать психическую дезадаптацию и психические нарушения невротического характера, которые препятствуют процессу самореализации незрячих в сфере профессионального роста, а также повышения по карьерной лестнице. [3]

Для незрячих и слабовидящих кризисные периоды особенно болезненны, так как они накладываются на психические последствия пережитой травмы. Оказание психологической помощи, наряду с реабилитацией в личностном плане, обеспечивает социализацию и ликвидирует дезадаптацию лиц с врожденным и приобретенным дефектом зрения к социальному окружению, так как затруднения и психические кризисы незрячих и слабовидящих сопровождаются нарушениями межличностных отношений, что в большей степени обостряет психические кризисы. [4]

Взаимосвязь индивидуально-психологических явлений с социально-психологическими процессами вызывает необходимость воздействия на процесс реабилитации с двух сторон: через коллектив и через личность незрячего человека, поэтому психологическая помощь является звеном в системе психологической реабилитации. [3]

Развитие реабилитационного направления в тифлопсихологии привело к постановке вопроса у возникновения новообразований в структуре тифлопедагогики, которую можно определить как реабилитационная тифлопедагогика. А. Глигулис характеризует сложившуюся систему социально-педагогической реабилитации незрячих и слабовидящих, и выделяет педагогическую реабилитацию, понимаемую им как обучение и воспитание лиц с нарушениями зрения. [5]

Адекватное понимание места и роли педагогической деятельности в системе реабилитации лиц с нарушениями зрения может быть выработано при опоре на теоретически обоснованную структуру модели реабилитации.

Исходная предпосылка к ее построению заключается в том, что модель реабилитации инвалидов по зрению – это многомерное явление: во-первых, четко обнаруживается ее видимое измерение, так как в качестве основных сфер жизни человека выступают сферы труда, быта

и отдыха, поэтому реабилитация незрячих и слабовидящих людей предполагает повышение социального статуса человека в каждой из этих сфер.

Тем самым определяются 3 необходимых содержательных направления реабилитации, взаимосвязь которых означает всестороннюю реабилитацию лиц с врожденным и приобретенным дефектом зрения:

1. Трудовая, подразумевающая повышение социального статуса инвалида по зрению в профессиональном труде.

2. Бытовая реабилитация, предполагающая повышение социального статуса их в сфере домашнего и общественного быта.

3. Культурная реабилитация – повышение социального статуса инвалида в сфере культурного производства и потребления. [6]

В субъективном плане реабилитация инвалидов по зрению выражается в высокой степени их социальной дееспособности в основных сферах жизнедеятельности. Так обнаруживается двойственное измерение реабилитации незрячих: динамическое стадийно-уровневое, при рассмотрении которого различаются ее основные этапы фазы или качественные уровни.

1. Первоначальная реабилитация, предполагающая развитие социальной сферы человека.

2. Элементарная реабилитация – восстановление основ дееспособности незрячих людей в новых областях общественной практики.

3. Полная реабилитация – достижение ими максимальной независимости самостоятельности в основных сферах социальной жизнедеятельности. [7]

В прикладном отношении осуществление реабилитации инвалидов по зрению предполагает реабилитацию на базе госучреждений (ЦРС).

Таким образом, реабилитация незрячих и слабовидящих – это целенаправленная психолого-педагогическая деятельность, предполагающая поэтапное повышение степени социальной дееспособности их в сферах труда, быта и культуры. [3]

Цель реабилитации незрячих и слабовидящих людей состоит в обеспечении их способности к реализации образа жизни, который не вступал бы в противоречие с образом жизни зрячих. Важным элементом реабилитации личности с дефектом зрения является интеграция. [4]

Интеграция – некое состояние достигнутого и зафиксированного положения инвалида по зрению в обществе. Социальная интеграция – это конечная цель организованного движения лиц с дефектом зрения, на основе которого возможно сведение социальной интеграции в индивидуальную плоскость, когда проблема рассматривается на уровне каждого конкретного человека с дефектом зрения, и интеграция в обществе, определяемая в качестве конечной цели реабилитации, связывается с восстановлением личного статуса инвалида по зрению.

Социальная интеграция – это двусторонний процесс, предполагающий взаимное сближение двух социальных субъектов: инвалидов по зрению, стремящихся к включению в общество нормально развивающихся личностей, и самих людей в норме, создающих условия для подобного включения. [7]

Любая жизнь может быть наполнена смыслом и имеет цель, что значительно облегчает и ускоряет процессы социализации инвалидов по зрению и развития личности. На процесс социализации незрячих людей к новой жизненной ситуации, связанной с выбором дальнейшего жизненного пути, влияет отношение специалистов к дефекту. Позицию врача к тому, что зрение будет потеряно или уже потеряно, люди узнают от врача. Тон, которым будет произнесена эта мысль, во многом определяет то, как у человека начнется процесс адаптации к потере зрения, что естественным образом, скажется и на его социализации в сфере профессионализации и трудовой деятельности, поэтому врач с одной стороны должен быть сочувствующим и переживающим, а с другой, должен

быть честным. Его слова должны выражать надежду на полноценную жизнь, а не на полноценное зрение. [8]

В случае, если потеря зрения происходит постепенно, нужно подготовить человека к ожидающей потере зрения. В этом случае можно избежать шока, облегчить горе и сократить депрессию, так как вся работа по оплакиванию и частичному осознанию потерь будет проделана. Все близкие человеку люди автоматически втягиваются в процесс его социализации в обществе. Им самим предстоит адаптироваться в слепоте близкого человека. Адаптационный процесс ближайшего окружения человека различен.

Родители, узнав, что их ребенок незрячий переживают тяжелый кризис в своей жизни, который отражается на их личных взаимоотношениях между собой и на их взаимоотношениях с ребенком, особенно когда их захлестывает тревога, страх, чувство вины. В такой ситуации, при отсутствии своевременно оказанной психологической помощи, у родителей возникает ситуативное пограничное состояние, которое характеризуется отсутствием веры в своего незрячего ребёнка. Всё это негативно сказывается и на процессе его социализации в обществе зрячих людей, и на включении в дальнейшую трудовую деятельность. В ряде случаев, родители, находясь в пограничном состоянии, могут приписывать своему ребёнку с врождённым дефектом наличие определённых сверхспособностей, благодаря которым, ему не стоит социализироваться в обществе зрячих людей и продвигаться по карьерной лестнице. У разных родителей различны отношения к своему ребёнку: реалистическое принятие ребенка, игнорирование, гиперопека, взаимные отвержения, открытое отвержение. От того, как сам родитель воспримет рождение ребёнка с дефектом зрения или утрату зрения уже взрослого зрелого человека, находящегося на стадии личностного становления, зависит и сам процесс включение инвалида по зрению в сферу трудовой деятельности. [9]

Нами было экспериментально подтверждено, что уровень социальной адаптированности родителей положительно влияет на уровень социализации ребенка и взрослых инвалидов по зрению, которые приобрели дефект в зрелом возрасте. Преодоление дефекта, принятие и уважение близкими, помогают человеку восстановить самоуважение и веру в свои силы. Пессимистические воззрения и занижение самооценки близких может восприниматься как сознательно, так и бессознательно.

Увеличение тревоги и беспокойства среди близких увеличивает тревогу и беспокойство незрячих и слабовидящих людей. Значение, придаваемое слепоте, во многом определяет глубину травмированности близких, что влияет на социализацию инвалидов по зрению в различных сферах жизнедеятельности. [4]

Отношение окружающих к потере человеком зрения могут быть различными и колебаться от поддержки и одобрения до отчужденности и неприятия. На этой основе В.Ф. Матвеев выделяет 4 этапа отношения к дефекту:

1. Осознание, что слепота меняет образ жизни человека, но вместе с тем, человек намерен осмыслить эти изменения и работать над поиском их более успешной интеграции в жизни совместно со зрячим.

2. Осознание необходимости перемен и желание чем-либо помогать пассивно, дожидаясь пока все само собой переменится.

3. Отказ признать, что процесс социализации требует времени, что выражается в нетерпимости и необоснованной требовательности.

4. Мнение о том, что ничего не случилось и поэтому ничего делать не нужно. [9]

Службы помощи ускоряют и облегчают социализацию инвалидов по зрению в процессе их реабилитации. Без помощи и поддержки специалистов процесс реабилитации удлиняется и усложняется и человек может застрять на каком-то одном из этапов социализации. Это характеризуется тем, что у человека замыкается круг

своих глубинных личностных переживаний на прогнозе неудачи. В центре этого круга преобладает сам дефект зрения с наличием негативных установок, препятствующих дальнейшему личностному и профессиональному росту человека в целом [10-13]. Примеры для подражания играют важную роль в социализации незрячих и слабовидящих, поэтому для них важны зрячие друзья, от общения с которыми и они учатся себя вести определенным образом и жить дальше.

Немного важнее найти примеры людей оказавших в такой же ситуации и преодолевших ее. Данная обязанность ложиться на плечи окружающих, которые не должны пускать ее на самотек. Примеры других очень вдохновляют человека, и, как сильная позитивная модель, улучшают процесс социализации. Примеры неудачи, неспособности, неприспособленности очень обескураживают незрячих и слабовидящих и подрывают веру в свои силы. [3]

Трудоустройство значительно повышает жизненный статус, т.к. бездеятельность неизбежно приводит к депрессии, которая в свою очередь развивает чувство никчемности, ненужности. Для людей недавно потерявших зрение может потребоваться небольшой период времени для того, чтобы сформировать новые навыки, помогающие остаться на прежней работе, либо период перекалфикации.

Вопрос о независимости, вопрос о том, насколько ценна и важна независимость, встает перед каждым человеком, независимо от того, слепой он или зрячий. Разные люди придерживаются разных мнений на этот счет. Слепота накладывает некоторые безусловные ограничения на независимость человека.

Если до потери зрения человека был склонен к зависимому поведению, то, как правило, слепота усиливает эту склонность. Д. Тотт утверждает, что проблема с независимостью происходит от чрезмерного значения, которое люди придают независимости. На начальном этапе, в раннем детстве, либо сразу после потери зрения, когда человек еще не освоил необходимых навыков, у него очень мало независимости, но лишать человека независимости, после того как он уже освоил необходимые навыки – нельзя. [14]

В историческом развитии общества всегда остро вставал вопрос о полноценности индивида, поэтому в психологии отмечается, что потерявший зрение человек не может в процессе реабилитации восстановить и развить все свои психологические возможности.

Таким образом, мы сталкиваемся, по мнению В.Гудониса, с двумя взаимоисключающими понятиями: инвалидность и полноценность. На этой основе создается парадоксальная ситуация: инвалид по зрению обладает всеми гражданскими правами, но общество его не принимает, как полноценного члена. [15]

Данное положение возникло, т.к. дефект недостаточно рассматривается в социальном плане. Л.С. Выготский считал, что «недостаток зрения или слуха несет за собой выпадение серьезных социальных функций, смешение всех систем поведения». [16]

Особенности формирования личности человека с нарушением сенсорного развития определены не только дефектом, но и всем комплексом систем отношений в обществе – тех представлений, которые откладываются об инвалиде в социальной среде. Под представлениями об инвалиде понимается как теоретические концепции, так и содержание общественных воззрений на инвалида. [4]

Исследование В. Гудониса указывает на устойчивый тип слепых в обществе, который не оптимистичен. Негативный стереотип выражается в представлениях о них, как об убогих, несчастных, с максимально ограниченными возможностями людей [15].

Для социализации незрячих препятствием являются не трудности, связанные со слепотой, а недостаток уважения со стороны общества к незрячим, недооценка их

возможностей, неадекватное отношение к ним. Первая проблема, связанная социализацией в обществе зрячих людей, появляется с рождением слепого ребенка, основной проблемой которого являются отношения родителей к его дефекту. [4]

Адекватная оценка нарушения зрения у ребенка со стороны родителей является основой и базисом для успешного развития его личности.

Таким образом, успешность социализации незрячих, как в целом, так и в сфере профессиональной и трудовой деятельности зависит от правильной коррекционно-воспитательной работы. [3]

Тифлопсихологи указывают на недостатки формирования таких личностных качеств, как активность, самостоятельность, поэтому интеграция слепых в общество зрячих является сложной, но актуальной проблемой, как в научно-теоретическом, так и в практическом отношении. [17]

Важным аспектом реабилитации является уровень образования. Образование – это мощный стимул и основа реализации активности личности. Только активно действующий субъект может успешно реабилитироваться в обществе. [7]

Таким образом, социализация является сложным многоступенчатым процессом, в котором самым активным образом должны участвовать с одной стороны сам незрячий человек, с другой – общество.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Крогиус, А.А. Психология слепых и ее значение для общей психологии и педагогики [Текст] / А.А. Крогиус. – М.: Педагогика, 1980. – 192 с.
2. Беркли-Ален Мэдэлин Забытое искусство слушать [Текст] / Мэдэлин Беркли-Ален. – СПб.: Питер, 1997. – 248 с.
3. Коррекция установок на инвалидность у ослепших [Текст]. – М.: Кафедра тифлопедагогики РГПУ им. Герцена, Институт реабилитации и профподготовки слепых. – 2004. – 27 с.
4. Бараш, Б.А. Фобии и тревожные ожидания поздно ослепших [Текст] : методическое пособие для работников тифлопедагогики / Б.А. Бараш, Ю.Г. Демьянова, В.М. Сорокина. – Л.: РГПУ им. Герцена, Институт реабилитации и профподготовки слепых, 1991. – 55 с.

5. Белоруков, А.П. Пути веков [Текст] / А.П. Белоруков. – М.: Учпедгиз, 1978. – 129 с.

6. Акимовский, И.М. Трудовая реабилитация инвалидов по зрению [Текст] / И.М. Акимовский, В.С. Моргулис. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 600 с.

7. Атутов, П.Р. Проблемы психологического обеспечения подготовки молодежи к труду и выбору профессии [Текст] / П.Р. Атутов, Е.А. Климов // Вопросы психологии. – 1984. – №1. – 80-85 с.

8. Франкл, В. Человек в поисках смысла [Текст] / В. Франкл. – М.: Прогресс, 1999. – 366 с.

9. Матвеев, В.Ф. Психические нарушения при дефектах зрения и слуха [Текст] / В.Ф. Матвеев. – М.: Медицина, 1993. – 184 с.

10. Криводанова Ю.Е. Основные подходы к проблеме ценностных ориентаций личности слепых и слабовидящих и их влияние на поведение в процессе выбора профессии // Балтийский гуманитарный журнал. 2012. № 1. С. 12-13.

11. Криводанова Ю.Е. Влияние ценностных ориентаций личности слепых, слабовидящих на особенности выбора профессии // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2012. № 1. С. 45-51.

12. Криводанова Ю.Е. К вопросу использования метода наблюдения в исследовании межличностных отношений слепых и слабовидящих людей в процессе их адаптации // Карельский научный журнал. 2012. № 1. С. 9-11.

13. Криводанова Ю.Е. Основные подходы к проблеме ценностных ориентаций слепых и слабовидящих в процессе их профессиональной подготовки // Самарский научный вестник. 2012. № 1 (1). С. 26-27.

14. Ден Тотл Самоуважение и адаптация к слепоте [Текст] / Тотл Ден, Тотл Науми. – М.: изд-во, 2003.

15. Гудонис, В.П. Интеграция лиц с нарушением зрения [Текст] / В.П. Гудонис // Дефектология. – 1993. – №4. – С. 78-92.

16. Выготский, Л.С. Избранные психологические исследования [Текст] / Л.С. Выготский. – М.: АПН РСФСР, 1956. – 449 с.

17. Асницкий, А.К. Саморегуляция активности слепых в ситуации потери работы [Текст] / А.К. Асницкий, Т.С. Чуйкова // Вопросы психологии. – 1999. – №1. – 18-24 с.

VALUE IN THE REHABILITATION PERSONAL FULFILLMENT VISUALLY IMPAIRED IN THE LABOR FORCE

© 2013

Ju. E. Krivodonova, the psychologist of office of social rehabilitation of minors with limited intellectual and physical opportunities of health

Biysk territorial center of the social help to a family and children, Biisk (Russia)

Annotation: Formation of value orientations and life meaning persons with visual impairment is important for their self-sighted people in society.

Keywords: personal fulfillment, work, rehabilitation of the blind, vision defect.

УДК 343.915

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОСУЖДЕННЫХ В СЛУЧАЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ УГРОЗЫ ДЛЯ ИХ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ

В.В. Лопоха, соискатель кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права
О.В. Охман, соискатель кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права
Национальная академия внутренних дел, Киев (Украина)

Анотация: В статье осуществлен анализ состояния медицинского обеспечения жизни и здоровья осужденных в исправительных колониях Украины и правовых оснований такой деятельности персонала Государственной уголовно-исполнительной службы (ГУИС) Украины, а также предложены научно обоснованные пути решения существенных проблем.

Ключевые слова: осужденный; исправительная колония, право на личную безопасность; медицинское обеспечение осужденных; персонал ГУИС, право на жизнь и здоровья личности.

Согласно требованиям части 2 ст. 116 Уголовно-исполнительного кодекса (далее – УИК) Украины лечебно-профилактическая и санитарно-противоэпидемическая работа в местах лишения свободы организуется и проводится в соответствии с законодательством о здравоохранении. Администрация колоний обязана выполнять необходимые медицинские требования, обеспечивающие охрану здоровья осужденных. Осужденные к лишению свободы обязаны выполнять правила личной и общей гигиены, требования санитарии. Кроме этого, осужденный, как указано в ч. 5 ст. 116 УИК, имеет право обращаться за консультацией и лечением в учреждения, предоставляющие платные медицинские услуги. Консультирование и лечение в таких случаях осуществляется в медицинских частях колоний по месту отбывания наказания под наблюдением персонала медицинской части [1].

Наряду с этим, некоторые авторы предлагают дополнить УИК ст. 116–1, предусмотрев, в частности, лечение осужденных к лишению свободы за рубежом [2].

Исходя из этого и учитывая важность предлагаемых изменений и их возможное влияние на практику исполнения в Украине наказания в виде лишения свободы, следует констатировать, что выбранная тема этой научной статьи является актуальной и имеющей теоретико-прикладной характер.

Изучение научной литературы показало, что в той или иной степени исследованию указанной проблематики посвящены работы таких ученых, как В. Бадыра, И. Богатырёв, В. Василевич, А. Гель, А. Джужа, Т. Денисова, С. Денисов, А. Кирилук, В. Корчинский, А. Колб, В. Меркулова, О. Лисодед, Л. Оника, А. Степанюк, В. Трубников, И. Яковец и др.

Среди зарубежных ученых следует выделить работы М. Деткова, А. Зубкова, Ю. Калинина, С. Кузьмина, В. Сысоева, М. Стуровой, М. Тюгаева, В. Уткина и др.

Вместе с тем, сложность данного вопроса, особенно в контексте содержания предложенного проекта закона, обуславливает необходимость рассмотрения данного вопроса в качестве отдельной научной разработки, что и является целью этой статьи.

Для того, чтобы дать ответ, следовательно, поддерживать или отвергнуть предложенные изменения в УИК Украины, следует выяснить содержание и социально-правовую сущность ряда существенных правовых понятий и категорий, которые органично взаимосвязаны, взаимообусловлены и находятся во взаимодействии с таким правовым явлением, как лечение осужденных в местах лишения свободы.

Как представляется, решающими для правильного понимания в этом контексте следует признать понятия уголовной ответственности, наказания, казни, исполнения и отбывания наказания, пытки, т.д., которые на сегодня составляют содержание уголовно-исполнительной политики [3, с. 306], и в целом – правовые основы борьбы с преступностью в Украине [4, с. 335].

Общепринято считать, что уголовная ответственность – это один из видов юридической ответственности,

устанавливаемой государством в законе об уголовной ответственности, а также налагается судом относительно лиц, признанных на основании его приговора виновными в совершении преступления, и должны нести обязательства личного, имущественного и организационного характера [5, с. 314].

Таким образом, исходя из содержания данного понятия, можно сделать вывод о том, что в случае привлечения любого лица к уголовной ответственности, у него (собственно, в осужденного) возникают определенные права и обязательства перед государством, которые он на протяжении отбывания определенного судом срока наказания должен выполнять в полном объеме. С другой стороны, у персонала органов и учреждений исполнения наказаний (УИН) возникает право воздействия на осужденного предусмотренными в законе средствами (ст. 6 УИК Украины) с тем, чтобы последний четко выполнял эти обязательства – это неотъемлемые элементы механизма правового регулирования в любой отрасли права [6, с. 499–501], включая и уголовно-исполнительное [7, с. 125–128]. В частности, в КВН (ст. 9, 107) и других нормативно-правовых актах Украины по вопросам исполнения наказаний определены основные права и обязанности осужденных, предусматривающие для этих лиц неуклонно соблюдать правила поведения, предусмотренные для осужденных и выполнять законные требования администрации органов и учреждений исполнения наказаний. При этом невыполнение осужденными своих обязанностей и законных требований указанных органов и учреждений и их должностных лиц влечет за собой установленную законом ответственность.

Более того, если буквально понимать содержание ст. 50 Уголовного кодекса (УК) Украины, то следует признать, что наказание является мерой государственного принуждения и заключается в предусмотренном законом ограничении прав и свобод осужденного, что, в основном, реализуется через такую его цель, как возмездие [8]. При этом, несмотря на различные подходы ученых к пониманию понятия «возмездие», подавляющее большинство убеждено, что наказание – это не жестокая месть или возмездие лицу со стороны государства за совершенное преступление, а ориентация законодателем суда, органов и УИН на применения осужденным такого комплекса ограничений его прав и свобод, который будет ощутимым и одновременно достаточным для достижения других основных целей наказания – исправление осужденного, а также специальной и общей превенции. С этой точки зрения возмездие выступает только как промежуточная цель наказания [9, с. 107].

В уголовно-исполнительном законодательстве Украины кара реализуется через режим, т.е. установленный законом и иными нормативными правовыми актами порядок исполнения и отбывания наказания, что наряду с этим обеспечивает реализацию прав и выполнение возложенных на осужденных обязанностей (ст. 102 УИК) [10, с. 300–310]. При этом термин «исполнения наказания» обращен относительно органов и УИН, которые в своей деятельности обязаны реализовать весь

комплекс правоограничений, предусмотренных в режиме конкретного вида наказания, а также обеспечить осуществление предоставленных для осужденных прав и выполнение возложенных на них обязанностей, а термин «наказание» – к осужденным, которые должны на основании приговора суда и в соответствии с предписаниями, установленными уголовно-исполнительным законодательством Украины, исполнять обязанности и удерживаться от запрещенных действий, осуществлять права и т.д. [11, с. 6].

Следовательно, при таком законодательно определенном подходе, включая требования ч. 3 ст. 63 Конституции Украины о том, что осужденный пользуется всеми правами человека и гражданина, за исключением ограничений, установленных законом и приговором суда [12], необходимо признать, что осужденные право на лечение за рубежом не имеют.

Дополнительным аргументом по этому поводу выступают положения ст. 8 УИК «Основные права осужденных» и ст. 107 УИК «Права и обязанности осужденных к лишению свободы», а также ст. 5 УИК «Принципы уголовно-исполнительного законодательства, исполнения и отбывания наказаний», которые не предусматривают этого права осужденных.

К такому же выводу пришли и другие ученые [13]. Более того, по их убеждению, это является одной из форм уклонения от отбывания наказания [14] и противоправного давления на администрацию исправительных колоний с целью заставить персонал к принятию неправомерных решений [15]. Другая сторона этой проблемы заключается в том, что как показывает практика, в УИН Украины содержаться наиболее общественно опасные лица, а именно:

- 12,5 тыс. человек, осужденных на срок свыше 10 лет за совершение особо тяжких преступлений (ст. 12 УК Украины);

- 1778 человек – в виде пожизненного лишения свободы (ст. 64 УК).

Кроме этого, в местах лишения свободы содержатся:

- а) 17,1 тыс. человек, осужденных за умышленное убийство (ч. 1 ст. 115 УК), в том числе 8,5 тыс. – за умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 115 УК);

- б) 9,9 тыс. человек – за умышленное тяжкое телесное повреждение (ст. 121 УК);

- в) 29,2 тыс. человек – за разбой (ст. 187 УК); грабеж (ст. 186 УК) и вымогательство (ст. 189 УК);

- г) 2,3 тыс. человек – за изнасилование (ст. 152 УК);

- г) 34 лица – за захват заложников (ст. 147 УК);

- д) 21,8 тыс. человек – за преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или прекурсоров и другие преступления против здоровья населения (раздел XIII Особенной части УК); др. [16, с. 9].

При этом ежегодно со стороны указанной категории осужденных становятся жертвами преступлений в Украине более 50 тыс. человек [17].

Таким образом, если руководствоваться требованиями ч. 1 ст. 24 Конституции Украины [18] и ст. 5 УИК Украины, в которых закреплён принцип равенства граждан перед законом, то следует признать, что все вышеуказанные категории осужденных в УИН тоже имеют право на лечение за границей. Наряду с этим возникает вопрос: какая из стран мира осмелится взять на себя обязанность не только, и не столько лечить этих лиц, сколько обеспечить общественную безопасность для окружающих? Тем более, что ни одно государство сегодня не имеет такой практики и не отправляет своих осужденных лечиться за границу [19], а также ни один международно-правовой акт по вопросам исполнения наказаний это не предусматривает [20].

Вместе с тем, как в Украине [21, с. 165–366], так и за рубежом [22] уголовное наказание в виде лишения

свободы судами назначается как крайнее средство принуждения к виновным в совершении преступления лицам. При этом, изолируя человека от общества и ограничивая ее в конституционных правах и свободах (ч. 3 ст. 63 Конституции Украины), государство действует как бы в условиях крайней необходимости, а именно: с одной стороны, обрекает осужденного на определенные страдания в рамках закона, а с другой, сдерживает таким образом его и других лиц от совершения преступления – это одно из последствий уголовной ответственности [5, с. 314].

Сдерживающим фактором для осужденных и в целом для населения, в частности, выступают также следующие уголовно-исполнительные явления и процессы, имеющие место в ходе отбывания наказания в виде лишения свободы, а именно:

1. Результаты применения к лицам, отбывающим наказание, основных средств исправления и ресоциализации: режима; общественно-полезного труда; социально-воспитательной работы, общеобразовательного и профессионально-технического обучения и общественного воздействия, участие в реализации которых для осужденных является обязательным и таким, что свидетельствует об уровне уменьшения их общественной опасности (степени исправления) (ст. 6 УИК Украины).

2. Постоянный (непрерывный) в течение суток и всего срока отбывания наказания надзор за осужденными, осуществляемый на всех объектах, включая медицинские учреждения, жизнедеятельности человека в условиях мест лишения свободы (ст. 102, 103 УИК), с целью предотвращения совершения им нового преступления (ст. 1 УИК, ст. 50 УК), самоубийства, членовредительства, уклонения от отбывания наказания, обеспечения выполнения других решений суда в отношении осужденного (о взыскании алиментов, возмещении причиненного преступлением вреда, т.д.).

3. Организация и состояние обеспечения безопасности деятельности персонала УИН (ст. 104 УИК), других лиц (ст. 1 УИК), включая и осужденных (ст. 10 УИК);

4. Последствия отдельного содержания наиболее общественно опасных осужденных от других их категорий в участках усиленного контроля (ст. 94, 97 УИК) и перевода злостных нарушителей в исправительные колонии максимального уровня безопасности (ст. 100 УИК).

5. Увеличение срока отбывания наказания для определенных категорий осужденным при применении условно-досрочного освобождения от отбывания наказания; амнистии; помиловании, т.д. (ст. 81–87 УК) и др. [23].

6. Обязанность возместить во время отбывания наказания причиненный для потерпевшего ущерб [24].

Конечно, жизнь и здоровье осужденного является наивысшей социальной ценностью (ст. 3 Конституции Украины), однако очевидным является и другой факт: не менее ценными являются эти объекты и для рядовых граждан. Поэтому государство на правовом уровне вынуждено создавать такие условия отбывания наказания, которые обеспечивают общественную безопасность для всех окружающих лиц, включая осужденных.

Именно поэтому, учитывая все цивилизованные достижения по вопросам исполнения наказаний, Украина при принятии УИК в 2003 г. включила в этот систематизированный закон те правоограничения для осужденных, в том числе и относительно их лечения при исполнении наказаний, которые не создают для них непредвиденных страданий и являются сдерживающим элементом их дальнейшей преступной деятельности.

Другого подхода в указанной сфере общественной деятельности ни одно государство мира еще не придумало и не реализовало на практике.

Исходя из вышеизложенного, следует признать, что предложенные некоторыми авторами изменения и дополнения в действующий УИК Украины являются хаотичными, бессистемными и такими, которые могут

привести к тяжким последствиям для украинского государства, поскольку их принятие Верховным Советом Украины нивелирует содержание уголовного наказания, как такового, а также создаст опасный прецедент для наиболее агрессивно настроенной части населения, а также рецидивистов (причем, как тех, кто еще отбывает наказание, так и тех, у кого не снята и не погашена судимость в порядке ст. 88–91 УК).

Наряду с этим, следует отметить, что, без сомнения, учитывая взятые Украиной обязательства при вступлении в соответствующие международные организации [25], а также требования Закона Украины «Об общегосударственной программе адаптации законодательства Украины к законодательству Европейского Союза» [26] и другие решения по этим вопросам [27], видоизменять действующее уголовно-исполнительное законодательство Украины нужно. При этом необходимо соблюдать, по крайней мере, несколько требований и правил построения правовых норм, а именно:

- способы (формы) изложения норм права в статьях нормативно-правового акта (полную, отсылочную, бланкетную и казуистическую; абстрактную [6, с. 291–293];

- общие принципы и функции правотворчества, в частности требования принципа системности, т.е. согласование принимаемых норм с другими нормативно-правовыми актами (в том числе и статьями УИК) [6, с. 295–297];

- особенности соответствующих общественных отношений, подлежащих правовому регулированию, к которым относится и уголовно-исполнительные правоотношения [7, с. 138–140];

- корпаративистские основы формирования правовых норм, т.е. сравнение их содержания с международно-правовыми актами и практикой [22, с. 6–16];

- правовые источники функционирования Государственной уголовно-исполнительной службы Украины [28] и их аналогов за рубежом [22, с. 89–123];

- другие факторы и элементы правового регулирования, а также особенности юридической техники [6, с. 488–515];

- возможности финансирования учреждений исполнения наказаний из Государственного бюджета Украины (как показывает практика, это только 40–45% от потребностей ежегодно), в том числе, на лечение осужденных (3–5% ежегодно) [30, с. 298];

- требования ст. 3 Конституции Украины и международно-правовых актов по правам человека [29], согласно которым права и свободы человека (в данном случае, как осужденных, так и жертв преступлений, и, в целом, общества) должны определять содержание и направленность деятельности любого государства.

В перспективе в научных исследованиях следует также рассмотреть законодательную базу обеспечения условий для осужденных в случае возникновения угрозы для их жизни и здоровья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовно-исполнительный кодекс Украины: принят 11 июля 2003 // Ведомости Верховной Рады Украины. – 2004. – № 3–4. – Ст. 21.

2. О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины (...): проект Закона Украины, реестр. № 2293 от 13.02.13 г., // http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb_n/webproc4_1?id=&pf3511=45758

3. Борисов В. И. Государственная политика в сфере борьбы с преступностью и ее направления // Проблемы законности: Респ. межвед. наук. сб. / Отв. ред. В. Я. Таций – К.: Нац. юрид. акад. Украина, 2009. – Вип. 100. – С. 305–312.

4. Голина В. В. Преступность: многообразие понятий и предметная сущность явления // Проблемы законности: Респ. межвед. наук. сб. / Отв. ред. В. Я. Таций – К.: Нац. юрид. акад. Украина, 2009. – Вип. 100. – С. 324–336.

5. Международная полицейская энциклопедия: В Балтийский гуманитарный журнал. 2013. № 1

10 т. / Отв. ред. Ю. И. Рымаренко, Я. Ю. Кондратьев, В. Я. Таций, Ю. Р. Шемшученко. – К.: Концерн «Издательский Дом «Ин Юре», 2003. – Т. 1: Теоретико-методологические и концептуальные основы полицейского права и полицейской деонтологии. – 1231 с.

6. Скакун О. Ф. Теория государства и права: Учебник / Пер. с рус. – М.: Консум, 2001. – 656 с.

7. Уголовно-исполнительное право Украины: Учебник / А. Н. Джужа, И. Г. Богатырев, А. Г. Колб, В. В. Василевич и др.; Под общ. ред. докт. юрид. наук, проф. О. М. Джужи. – К.: Атика, 2010. – 752 с.

8. Уголовный кодекс Украины: принят 5 апреля 2001 г. // Ведомости Верховного Совета Украины. – 2001. – № 25 – 26. – Ст. 131.

9. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Украины. – 4-е изд. перераб. и дополн. / Отв. ред. С. С. Яценко. – К.: А.С.К., 2006. – 848 с.

10. Научно-практический комментарий Уголовно-исполнительного кодекса Украины / А. П. Гель, А. Г. Колб, В. О. Корчинский [и др.]; Под общ. ред. А. Е. Степанюка. – СПб, 2008. – 496 с.

11. Уголовно-исполнительный кодекс Украины: Научно-практический комментарий / Степанюк А. Е., Яковец И. С.; под общ. ред. А. Е. Степанюка. – М.: ООО «Одиссей», 2005. – 560 с.

12. Конституция Украины: принята на пятой сессии Верховного Совета Украины // Ведомости Верховной Рады Украины. – 1996. – № 30. – Ст. 141.

13. Колб А. Г., Пришко И. А. Некоторые аспекты правового статуса осужденных к лишению свободы // Вестник прокуратуры. – 2012. – № 7 (133). – С. 24–30.

14. Пришко И. А. О некоторых аспектах социальной природы преступной субкультуры осужденных // Вестник прокуратуры. – 2012. № 7 (133). – С. 88–93.

15. Пирожков В. Ф. Криминальная психология: Учебник. – К.: «Ось-89», 2013. – 704 с.

16. Общая характеристика Государственной уголовно-исполнительной службы Украины (по состоянию на 1 мая 2012 года). – К.: ГПТС Украины, 2012 – 105 с.

17. Анализ состояния осуществления судопроизводства судами общей юрисдикции в 2011 г. (по данным судебной статистики) // http://www.court.gov.ua/sudova_statystyka/oglyad

18. Конституция Украины: с изменениями. – К.: Право, 2012. – 64 с.

19. Хавронюк М. И. Современное общеевропейское уголовное законодательство: проблемы гармонизации: Монография. – К.: Истина, 2005. – 264 с.

20. Права человека и профессиональные стандарты для работников пенитенциарной системы в документах международных организаций. – К.: Сфера, 2002. – 293 с.

21. О практике назначения судами уголовного наказания: Постановление Пленума Верховного Суда Украины от 24 октября 2003 года № 7 // Постановления Пленума Верховного Суда Украины по уголовным делам (3-е изд., изм. и доп.). – К.: Издательский дом «Скиф», 2008. – С. 365–377.

22. Богатырёв И. Г., Копотун И. Н., Пузырев М. Р. Сравнительное уголовно-исполнительное право: учеб. пособие / под общ. ред. И. Г. Богатырева. – К.: Институт уголовно-исполнительной службы, 2013. – 140 с.

23. Яковец И. С. Условно-досрочное освобождение и замена неотбытой части наказания более мягким: Монография. – К.: ООО «Микропринт», 2012. – 212 с.

24. Защита прав потерпевшего от преступления в уголовно-исполнительном праве: Учебное пособие / В. В. Василевич, А. П. Гель, В. П. Захаров, И. С. Яковец и др.; под общ. ред. А. Е. Степанюка и А. Г. Колба. – К.: ПП Иванюк В. П., 2010. – 176 с.

25. Устав Совета Европы // Официальный вестник Украины. – 2004. – № 26. – Ст. 1733.

26. Об общегосударственной программе адаптации законодательства Украины к законодательству Европейского Союза: Закон Украины от 18.03.2004 №

1629-IV // Правительственный курьер. – 2004. – 20 апреля. – С. 2–3.

27. О Плана мероприятий по выполнению обязанностей и обязательств Украины, вытекающих из ее членства в Совете Европы: утв. Указом Президента Украины от 20 января 2006 года № 39/2006 // Официальный вестник Украины. – 2006. – № 4. – Ст. 143.

28. О Государственной уголовно-исполнительной службе Украины: Закон Украины от 23 июня 2005 года /

/ <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/2713-15>

29. Права человека и профессиональные стандарты для работников пенитенциарной системы в документах международных организаций. – К.: Сфера, 2008. – 312 с.

30. Карпачева Н. И. Состояние соблюдения и защиты прав и свобод человека в Украине: Доклад Уполномоченного Верховного Совета Украины по правам человека. – К.: Уполномоченный Верховного Совета Украины по правам человека, 2004. – С. 278–308.

PROTECTION OF PRISONERS' PERSONAL SECURITY IN CASES OF RISK TO THEIR LIFE AND HEALTH

© 2013

V. V. Lopoha, applicant of the department of criminology and criminal enforcement law
O. V. Ohman, applicant of the department of criminology and criminal enforcement law
National Academy of Internal Affairs of Ukraine, Kiev (Ukraine)

Anotation: The author of the article analyses the problem of medical support to prisoners' life and health in the prisons of Ukraine. A special attention is paid to the role and activity of the personnel of the State Penitentiary Service (hereinafter – Background) of Ukraine.

Keywords: condemned penal colony, the right to personal security, medical care of prisoners, staff Background, the right to life and health of a person.

УДК 811.161.2'373

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ КОНЦЕПТА НЕБО В УКРАИНСКОЙ ПОЭЗИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX СТОЛЕТИЯ

© 2013

А.О. Озар, аспирант кафедры «Филологических дисциплин та методики их преподавания
в начальных классах»

*Дрогобыцкий государственный педагогический университет имени Ивана Франко,
Дрогобыч (Украина)*

Аннотация: Поэтический концепт *НЕБО* имеет сложную структуру, один из компонентов которой – антропологический. Его представители – соматические, физиологические, гендерные, физические признаки и признаки характера. Среди последних в анализируемых текстах отмечены также специфические: небо – мать; небо – душа; небо – сердце.

Ключевые слова: концепт, структура концепта, вербализация концепта, концептуальный признак, персонификация, образный признак, антропологический признак.

Парадигму современных языковедческих взглядов дополняет направление, проявляющее интерес к проблемам взаимоотношения языка и народа, языка и мышления, познания, мировоззрения, культуры как отдельной личности, так и общества в целом [1, с. 5]. Поиски этого направления сконцентрированы вокруг понятия «концепт» – понятия хотя и ключевого, но во многом дискуссионного в контексте его квалификации, классификации, вербализации [2, с. 310–318]. Наиболее перспективным в определении сущности указанного понятия оказался интегративный подход, интерпретирующий концепт как обобщенную единицу ментального уровня, отражающую результаты познания и оценивания человеком окружающего мира [3, с. 5–6]; единицу, детерминированную действием многих факторов – философских, этнических, мифологических, религиозных, психологических и т. п. Они последовательно прочитываются в художественном дискурсе, создающем самые благоприятные условия для развития в структуре определенных слов новых значений и созначений, осложненных ассоциациями и оценками [4, с. 14–15]. Как сын своего народа, писатель выражает не только собственные представления о ком-то или чем-то, но и общенародные, поэтому обращение к художественным текстам обеспечивает всестороннюю характеристику концепта [4, с. 15], которая дополняет общенациональную картину мира новыми элементами. Отмеченное характеризует прежде всего ключевые (основные) концепты, к которым принадлежит и концепт *НЕБО* [5, с. 84].

Концепт *НЕБО* уже был объектом лингвистического анализа. Его, в частности, изучала А. Пахомова на материале произведений П. Тычины и пришла к выводу, что образ неба служит своеобразной лакмусовой бумажкой для выявления своеобразия мировоззрения поэта [6].

Л. Кравец установила и описала самые продуктивные модели метафорического структурирования концепта *НЕБО*, а именно: вода → небо, человек → небо, одежда → небо, текстиль → небо, сооружение → небо [7]. Ученые С. Ермоленко, П. Мацкив дополнили имеющиеся характеристики новыми, особо выделив компоненты «голубой цвет», «покров» [8, с. 32], «небо физическое», «небо духовное» [9, с. 68]. Русистика свою заинтересованность концептом *НЕБО* реализовала в диссертационных исследованиях сопоставительного плана, изучив способы его вербализации в русском и английском [10], русском и немецком [11] языках. Однако в украинском языкознании комплексное изучение концепта *НЕБО* еще не проводилось – ни на общезыковом материале, ни на материале художественных текстов.

Цель статьи – выявить способы и средства вербализации в украинских поэтических текстах второй половины XX века образного плана концепта *НЕБО* с акцентом на признаках антропологического характера.

Важной чертой концепта как ментального образования является структурированность, т. е. наличие в нем определенных компонентов (или признаков) то ли объективного, то ли субъективного планов, закрепленных в сознании носителей языка [12, с. 60]. Среди этих признаков Ю. Степанов предлагает различать а) основные, или актуальные; б) дополнительные, или неактуальные; в) внутреннюю форму, чаще всего не осознанную [13, с. 45]. В интерпретации В. Карасика концепт – это смысловое образование с ценностным, образным и понятийным планами [14, с. 91]. М. Пименова моделирует концептуальную структуру как совокупность обобщений, необходимых и достаточных для идентификации определенных предметов или явлений, среди которых имеются мотивировочные, образные, понятийные и цен-

ностные [5, с. 84]. Согласно Е. Селивановой, концепт – это ментально-психонетичный комплекс ядерно-периферийного типа, ядро которого формируют предложения, являющиеся мыслительными аналогами ситуаций, а периферию – ассоциативно-терминальная информация и модус [2, с. 320]. Вышеуказанное дает основание выделять в концептуальной структуре в качестве определяющих понятийные, образные и аксиологические признаки: первые представлены в дефинициях вербализаторов концепта, вторые коррелирует с перцептивными и когнитивными его составляющими, а третьи определяют значимость концепта в целом [14, с. 98, 107].

Остановимся подробнее на образном содержании концепта, отражающего способность человеческого мышления к интерпретации неизвестного через известное, аспектом которой есть способность к одухотворению окружающей среды. С особой выразительностью это демонстрирует поэтический язык, богатый разнообразными персонификациями объектов и явлений природы [15, с. 26], как правило, реминисценциями древнейших олицетворений как на уровне мифа, так и на уровне обыденного сознания [16, с. 34].

В анализируемых поэтических текстах антропологизация неба засвидетельствована соматическими, физиологическими, гендерными, физическими признаками, а также признаками характера. Особо высокая употребительность соматизмов – прежде всего существительных *очі, чоло*, хотя встречаются и другие субстантивы (*тіло, плечі, груди, шия, горб, пальці, спина, лице, щока, серце, брови, півкапілярчик*), в целом – более двадцати. К ним примыкают названия смежных понятий – *рана, рум'янець, веснушки, кров, зморшки, лисий*. Продемонстрируем сказанное на конкретных текстах, например, А. Мойсиенко: *І щиро в очі небу зазира;* С. Пушика: *Ні ворога, ні друга, Ні зіроньки у неба на чолі;* И. Драча: *І небо там, на півночі, двигтіло, І цвяхи зір все цвяхувало в тіло;* <...> *Прийди до мене, мій Скородо, З небесних пальців золота рудо* <...>; *Хижу спину ламає [небо] на сонці;* <...> *Таке ж моє небо, аж дике в бровах* <...>; Д. Павлычко: <...> *Ти, як небо, став широкоплече* <...>; *Чи то дитячий сміх, чи регіт лицеміра З пораних небес являється мені;* В. Стуса – *Тугий небокрай, погорбатілий з люті гірких нарікань;* В. Симоненко: *І на трави не бризнула роси, мов перли, Як рум'янець густий раннє небо залив;* <...> *Небо кров'ю паленіло* <...>; П. Мовчана: <...> *Хіба в піднебесся, що все в ластовинні* <...>; И. Калинец: <...> *Коли загубиш свою дорогу серед тисячі доріг, що вкрили небо і землю сіткою зморшок, мов старече обличчя* <...>; *Усе на світі збайдужіло, лиш сонця мавіка достигає пливе по небі облісілім і олив'яним згустком стигне.*

Анализируемые тексты богато демонстрируют идентичность НЕБА и морально-эмоционального ядра человека (души, сердца), что предсказуемо в контексте доминант украинской модели личности [1, с. 113–114]. Сердце и душа образуют корреляцию с небесным – самым высоким, самым ценным, божественным в человеке: <...> *Так, наче хтось небо душі прихилив* <...> (Г. Чубач); *Тремтить на колосках роса, А в серці дзвонять небеса* (Д. Павлычко); *В душі людській, крім видимого неба, є одинадцять всяческих небес* (Л. Костенко). Они постоянно стремятся к воссоединению: *Стобальним, стогоlobalним болем До неба дибиться душа* (Н. Винграновский); *До неба душу вознесе, Мільйони зірок землі засвітить* (Г. Чубач). Иногда репрезентантами понятий сердца и души выступают лексемы *очі / зіниці, чоло*: <...> *Ввібравши небо у сумні зіниці* <...> (Г. Чубач); *Над свічками – небо очей і біле вітрило пісні* (Ірина Калинец); <...> *А як прийшов у чорному жупані Козацький син з чолом у небеса* <...> (Д. Павлычко). Такое словоупотребление характеризует прежде всего произведения Д. Павлычко, Н. Винграновского, А. Чубач. Соотнесенность неба, сердца и души как духовных абсолютов свидетельству-

ет об иррациональности, чувствительности украинского этноса, подтверждает кордоцентричность его национального характера.

В современной поэзии некоторые признаки анализируемого концепта представлены в контексте соотношения с физиологическими признаками человека. Среди них выделяем группы, объединенные вокруг понятий «рост», «дыхание», «потребление пищи / напитков», «сон», «плач». Признаки роста поэтический дискурс манифестирует указанием на его этапы (через использование, например, лексемы *молодий*) или на атрибуты этих этапов – лексемы *сиве, посивіле*, индивидуально-авторские неологизмы типа *небенятко*: *Посивіло небо сріблястими хмарами, що потом зронилися з мого чола* (И. Драч), <...> *Я скучив по тобі, де небо молоде* <...>; *Було тоді ще небо небенятком І зорі юні і страшні* (Н. Винграновский). Как видно из примеров, означивание неба по возрасту может привести к кристаллизации концептуальных составляющих антонимического типа *молодость/старость*, кстати, так же редко актуализируемых, как и физиологический процесс дыхания: *І дихнув на мене сонно небосхил, як завжди, в класичну пору благовіщень* (И. Жиленко).

Признаки группы «потребление пищи/напитков» вербализируют номены *п'яне, вечеряти, сидати за стіл*, два последних из которых концептуализируют также обстоятельственные признаки – время и место потребления: <...> *І падає в ставки п'яне небо* <...>; <...> *Над селами й полем вечеряє небо, Вмокаючи в ріки хлібини хмарин* <...> (Н. Винграновский), <...> *І сяде небо за столом* <...> (И. Драч).

Признаки группы «сон» поэты указанного периода почти не актуализируют. Исключением могут служить строки Н. Винграновского: <...> *Поки ще небо лягає на ніч у Дніпро* <...> и *Дрімає небо* <...>.

Олицетворение неба через физиологический процесс плача представляет метафорическая модель *слезы → дождь*, которую актуализирует глагол *плакати*. Эта модель открывает возможности к развитию в анализируемом концепте эмпатийных характеристик: *Небо дощами не плаче* (Г. Чубач); *Плач, небо, плач і плач* (В. Стус); *На їх могили падають зірки, Так ніби плачуть небеса над нею* (Д. Павлычко).

Гендерные признаки концепта детерминированы физиологическим процессом размножения, ведь базируются на древнейшем мифе о происхождении человека. Его наши прадеды понимали так: с неба льется на мать Землю золотое семя – благодатный дождь, природа расцветает, с нее возрождается Человек [16, с. 5, с. 30]. В культовой паре Небо – это отец человечества, а Земля – его мать [15, с. 154]: *Пишався вперше небозвід, що землю в наречені вибрав* (П. Осадчук), *Шаліє любові тропічна злива – землі і неба шалений шлюб* (Л. Костенко). Характеристику этой пары поэты дополняют собственными концептуальными приметами. Небо изображают как женщину-мать, используя наименование понятий связанных с беременностью, родами и воспитанием детей: <...> *Голос твій, як світ в небеснім лоні, Як твоєї плоті розкрилля* <...> (Д. Павлычко), <...> *і вродить небо дивовижне скляними зорями зими!* <...> (Л. Костенко), <...> *Колисало небо Білу хмару* <...> (Н. Винграновский), *Задагітніле близькавки крайнебо...* (В. Коломиец). С. Йовенко даже называет человека дитям неба: *Я – прохолодних цих небес дитина, - хто ж височінь любові заповіє?* И. Калинец характеризует его через понятие *сиротства*: *Аби я пізнав гіркоту осиротілого неба; А в моєї ніченьки небо сиротятко: ні одної свічечки в золотім горішчу.*

Среди признаков физических действий выделяем «движение», «произведение звуков», «сенсорные действия», «профессиональные действия», «собственно физические действия». Признаки движения обусловлены таким свойством неба, как непостоянство, изменчивость – глагольные метафоры *іти, ходити, бігати,*

втікати, тогдa як метафора *стояти* актуалізує інший признак – постійність: *В скафандрі хмар йшло земле небо; Вже небо не біжить тим синьо-білим бігом* (Н. Винграновський), *Якби могло, було б втекло і небо* (С. Пушик), *Стояло небо, дивне і сумне* (Л. Костенко).

Небо способно издавати звуки, подібні звукам людської мови: *Нашорощилось небо бурно і погрозила загуло* (В. Симоненко), *<...> В дитячих очах озивалося небо травневе <...>* (Б. Олійник), *Там дивний світ, де нас нема, де небо повне голубої мови* (И. Калинець). Но асоціативна лінія *небо* – *речь* має продовження: *слово – поезія – пісня*. Поезія, пісня як високі форми мови – це початок людства, за яким – потужна синергетика, творче початок, духовність і креативність: *Як же мені губи в губи, Як же мені сонце в сонце – тільки в словені відишукати, Щоб мені чужі своїми запеклися люті згуби, Щоб в цукоту не стрибати з божевілля всі чикади* (И. Драч), *Поговори зі мною, друже віри! Дитячкo неба – мовою землею* (С. Йовенко), *Так, поезія – пісня землі не небес, Вона родичка тиші і грому* (С. Пушик), *У вічні поезії небо Злетіла пташкою дзвінко* (Т. Коломиец), *чому покликав ти у співучі сфери небес якусь невідому планета Антиземля* (И. Калинець), *А що ж століттями тут камінь коїв? – над спів небес, в нім бірюзи бельканто!* (С. Йовенко).

Среди сенсорных признаков ведущая роль принадлежит тем, за которыми стоит зрительный анализатор: *Циклопічною одноокістю небо дивиться на Париж* (Л. Костенко), *Все так танцює, як блиск, як подих, спогад, погляд неба синій* (И. Жиленко), *Небо задивляється у нього [у дзеркало] на свою висоту* (Д. Черидниченко). Возможно, это обусловлено тем, что основное «занятие» неба – непрерывное созерцание.

Профессиональные действия оживленного неба могут быть мирными и агрессивными. Поезия приписывает небу как традиционно женские – *ткати, латати*: *<...> І цвинтар той, де над гробками, високе небо тишу тче <...>* (Л. Костенко), *Небо дірку залатало* (И. Жиленко), так и мужские – *кидати аркани, схрецуватися на шаблях, ламати шаблю*: *Білої блискавки чорні аркани кидає небо в дніпровські пороги; Усі мої ліси, удень такі привітні, схрестилися вночі із небом на шаблях* (Л. Костенко), *Небо ламало стосоту шаблю, градом – скік-скок!* (В. Коломиец).

Собственно физические действия воплощают лексемы *падати, витирати чоло, сіяти, умиватися, корчитися, кидати, жбурляти*: *<...> І небо йшло задумливо над світом, І довгі зорі сіяло крізь віти, Втираючи хмариною чоло <...>; <...> Кидало небо вічність під нього <...>* (Н. Винграновський), *<...> Умивалося небо у синяві рік <...>* (В. Симоненко), *<...> А небо корчиться в тобі своїм надсадним загасанням <...>* (В. Стус).

Признаки характера структурируют концепт чотирьохкомпонентним комплексом: ум, емоції, воля і направленність особистості. Ментальний і волевий компоненти представлені, наприклад, в таких строках Д. Павличко і В. Симоненко (*1. Нам думати про новий урожай, Щоб стала в ріст пшениця, як Дунай, І мисль горіла в неба за плечима. 2. Ну скажи – хіба не фантастично, Що у цьому хаосі доріг Під суворим небом, Небом вічним, Я тебе зустрів і не зберіг!*). Высокой частотностью актуализации отмечены эмоциональность и направленность личности неба. Первую выявляют многочисленные эмоции, порой контрастные, не сочетаемые, казалось бы, в одном человеке. Небо бывает счастливым, веселым, просветленным: *Щасливе небо – з вами теж було* (Н. Винграновський), *Стали верби, як вдови, Але небо веселе* (С. Пушик), *Не злетить у небо просвітле Із-під серця білокрилий птах* (Т. Коломиец). Однако доминируют эмоции минорной тональности – *сум, печаль, задумчивість, тривожність*: *Стояло небо, дивне і сумне* (Л. Костенко), *У печальнім ритмі зв'язати білі триярусні строфи галерей, а павзи виповнити елегійним небом над короною веж* (И. Калинець), *І пише голубим на*

порцеляні небес понурих (В. Стус). Направленность личности всегда выявляет отношение к окружающей среде. В концепте НЕБО она реализована системой языковых средств, номинирующих полюсные понятия *щедрое – скупое; нежное – грозное, дикое, гордое; сонное, безразличное – оживленное*: *Під щедрим небом Королівські пальми Розчісують сполохані вітри* (Г. Чубач), *Шкодує небо золоті сині* (И. Жиленко); *До ніжних небозводів Тяглись гармати тихо по ночах* (Н. Винграновський), *Мужчині ж вона не до пари, Бо крила, хоча б підбиті, йому пахнуть небом гордим* (И. Драч), *І безоглядно-голі небеса байдуже задивляються у декого* (В. Стус), *І тільки небо жило – жваве, жагуче, жажне* (И. Драч).

Как видим, концепт НЕБО в поэтических текстах второй половины XX столетия предстает как сложно структурированный феномен, в котором особое место принадлежит антропологическому компоненту. Его представляют пять групп признаков, воплощающих персонификацию неба в физическом и духовном планах: соматические, физиологические, гендерные, физические признаки и признаки характера. В анализируемых текстах небо предстает как гармоничная личность с богатым внутренним миром, что коррелирует с общеязыковыми представлениями. Сопоставление неба с эмоциональной сферой человека подтверждает высокую его духовность, причастность к человеческой душе.

Перспективным представляется исследование иных образных проявлений концепта НЕБО.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Голубовская И. А. Этнические особенности языковых картин мира: Монография. К.: Издательско-полиграфический центр «Киевский университет», 2002. 293 с.
2. Селиванова Е. А. Мир сознания в языке. Черкассы: Ю.Чабаненко, 2012. 488 с.
3. Скаб М. В. Концептуализация сакральной сферы в украинском языке: Автореф. дис. на соискание науч. ст. доктора филол. наук. К., 2009. 30 с. (на украинском языке).
4. Кононенко В. И. Концепты украинского дискурса: Монография. Киев-Ивано-Франковск, 2004. 248 с. (на украинском языке).
5. Пименова М. В. Коды культуры и проблема классификации концептов // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК. Выпуск 5. Ставрополь: Изд-во ПГЛУ, 2007. С. 79–86.
6. Пахомова А. М. Элементы художественной картины мира Тычины как сфера реализации концептосферы неба. Web. 12.01.2012 <http://www.nbuv.gov.ua/portal/soc_gum/znpkhnpu_lingv/2008_25/3.html> (на украинском языке).
7. Кравец Л. Метафорическое структурирование концепта «небо» в украинской поэзии XX века. (по материалам к Словарю украинского поэтического метафора). Web. 14.07.2012 <http://www.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum/Lekb/2009_18/Kravec.htm> (на украинском языке).
8. Ермоленко С. Я., Языково-эстетические знаки украинской культуры: Монография. К.: Институт украинского языка НАН Украины, 2009. 352 с. (на украинском языке).
9. Мацкив П. В. Концептосфера Бог в украинском языковом пространстве: Монография. Дрогобыч: Коло, 2007. 332 с. (на украинском языке).
10. Демидова Е. Е. Структуры и способы актуализации признаков концептов неба и heaven в русской и английской языковых картинах мира: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Волгоград, 2010. 21 с.
11. Кривалёва О. В. Концепты «земля» и «небо» в русской и немецкой языковой картинах мира: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Уфа, 2010. 22 с.
12. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика. Минск: ТетраСистемс, 2008. 272 с.

13. Степанов Ю. С. Концепт. Константы: Словарь русской культуры. Web. 02.12.2011 <<http://philologos.narod.ru/concept/stepanov-concept.htm>>

14. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

15. Жаворонок В. В. Украинская этнолингвистика: Очерки. Киев: Доверие, 2007. 262 с. (на украинском языке).

16. Войтович В. В. Мифы и легенды древней Украины. Тернополь: Учебная книга – Богдан, 2009. 392 с. (на украинском языке).

ANTHROPOLOGICAL SIGNS OF CONCEPT SKY IN UKRAINIAN POETRY OF THE SECOND HALF OF THE XX CENTURY

© 2013

A.O. Ogar, postgraduate student of the department «Philological disciplines and techniques their teaching in primary schools»

Drohobych State Pedagogical University, Drohobych (Ukraine)

Annotation: The complex structure of concept SKY includes antropological component with five groups of signs: somatic, physiological, gender, physical and character. Some conflicting signs are fixing in poetry: the gender status of mother; the identification sky, human soul and heart.

Keywords: concept, structure of the concept, verbalization of the concept, conceptual sign, personification, shaped sign, anthropological sign.

УДК 81'25

ПЕРЕВОД КАК ОБЪЕКТ ВОЗДЕЙСТВИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

© 2013

Н.Н. Рудницкая, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, докторант института филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко
Луганская государственная академия культуры и искусств, Луганск (Украина)

Аннотация: В статье рассматриваются все неотъемлемые компоненты системы взаимоотношений перевода и политической идеологии. Особое внимание уделяется субъектам и способам идеологического воздействия на перевод; выделены характеристики текста, которые являются причиной запрета или цензурирования перевода. Проанализированы последствия идеологического давления для развития перевода и переводоведения в конкретных историко-политических условиях.

Ключевые слова: перевод, политическая идеология, история перевода, цензура.

В последние десятилетия XX века сложилось понимание переводоведения как комплексной междисциплинарной науки, которая опирается на целый ряд как гуманитарных, так и социальных дисциплин. Ни у кого не возникают сомнения в необходимости анализировать перевод с учетом широкого культурного контекста; с 1990-х гг. все больше исследователей рассматривают перевод как объект воздействия идеологических факторов. Как указывает П. Кугивчак, изучение воздействия идеологии на перевод имеет важное значение как в историческом аспекте, так и для постановки фундаментальных теоретических вопросов переводоведения [1, с. 358].

В современном переводоведении представлены несколько направлений, изучающих данную проблему преимущественно в историческом аспекте. Во-первых, это исследования особенностей развития перевода в условиях тоталитаризма: в Германии и Италии 1930 – 1940-х гг. (Э. Гиббельс [2], К. Стердж [3]), Испании времен Ф. Франко (А. Кератса [4]), в современных Ираке, Саудовской Аравии (А. Ениа Худа [5]) и т.д. Учитывая определенную специфику, отдельным направлением можно выделить исторические исследования идеологического аспекта перевода в СССР (Л. Коломиец [6], Д. Петренко [7]), европейских странах социалистического блока (П. Кугивчак [1]), в Китае [8]. Кроме того, весьма представительным направлением в современном переводоведении является пост-колониальное, и важную функцию в них составляют исследования идеологических факторов, влияющих на развитие перевода в условиях колониализма и пост-колониализма (Ш. Саймон, П. Сент-Пьер [9] и др.). Следует отметить, что в отличие от пост-колониальных исследований перевода, объектом которых выступает переводческая ситуация в современных обществах как сложившаяся под воздействием соответствующих исторических и геополитических факторов, исследователи перевода в условиях тоталитаризма уделяют недостаточное внимание последствиям политической идеологии тоталитарного государства для переводческой ситуации в пост-тоталитарном обществе. Как показывает анализ, такие последствия являются весьма

ощутимыми и разноплановыми; эта проблема, в частности, рассматривалась нами в статье «Советская цензура и перевод в современных Украине и России» [10]. В целом, разрозненные исследования, ограниченные конкретными геополитическими и хронологическими рамками, не дают полной картины. Необходим системный анализ тенденций развития перевода в условиях идеологического давления, что и обуславливает актуальность данного исследования.

Целью данной статьи является изучение особенностей развития перевода под воздействием политических идеологий. Весьма закономерно, что тенденции развития перевода как объекта идеологического воздействия изучаются прежде всего на материале недемократических государств, поскольку вмешательство государства в переводческую деятельность (возможность осуществления таковой в принципе, контроль на этапе выбора текста для перевода, собственно перевода, редактирования, публикации, распространения, рецепции) является одним из проявлений подавляющего воздействия властных структур на общество.

Тоталитарная идеология подразумевает контроль над всеми информационными потоками; поскольку перевод открывает доступ к «внешней» информации – в т.ч. идеологически чуждой, неотъемлемой составляющей тоталитарной идеологии является жесткий контроль переводческой ситуации в стране. В условиях колониализма перевод также используется властью: колонизатору он необходим для обеспечения коммуникации, скорее даже для управления колонизованным народом, и в т.ч. как средство влияния на культуру последнего. Так, Британская империя использовала перевод как средство культурной колонизации. В «Депеше об образовании» («Dispatch on educational matters») 1854 г. утверждалось, что литературу Индии постепенно обогащают переводы английских произведений, а также оригинальные произведения тех индийцев, чей разум вдохновлен духом европейского прогресса [11, с. 88]. Таким образом, можно выделить следующие цели воздействия политической идеологии на перевод: 1) контроль потоков информа-

ции, исходящих из других государств, и блокирование идеологически чуждой; 2) контроль исходящих потоков информации; 3) культурная колонизация.

Для эффективного осуществления задач государственного масштаба, каковыми являются задачи контроля переводческой ситуации, необходима разработанная система данного контроля. В СССР политический идеологический контроль осуществлялся через государственные структуры – Главное управление по делам литературы и издательств (Главлит) и Главный репертуарный комитет (Главрепертком), а также партийные структуры. В Италии в 1930-х гг. был принят закон, согласно которому все переведенные произведения перед публикацией должны быть одобрены Министерством народной культуры [12, с. 184]. В нацистской Германии переводчики, как указывает К. Стердж, считались врагами национальной культуры, а перевод – угрозой аутентичности и единству германского общества [3, с. 137]. В начале 1930-х гг. в Германии не существовало единой системы контроля печати и перевода, но любой идеологически чуждый текст запрещался. Чтобы избежать значительных финансовых потерь, издатели сами выполняли роль строгих цензоров. С 1933 г. контроль перевода систематизированным на государственном уровне и невидимым для читателей; ним занимались Министерство пропаганды и гестапо [3, с. 138].

Деятельность подобных систем тормозила процессы культурного обмена, развитие литературных систем; в крайнем проявлении – приводило к человеческим жертвам, как в советской Украине, где начиная с 1930 г. десятки выдающихся переводчиков стали жертвами репрессий. Тем не менее, рассмотрение влияния политической идеологии на перевод исключительно как внешнего давления властных структур на аполитичных переводчиков является упрощенным подходом. Анализируя цензуру – основной инструмент контроля перевода художественной литературы, редакторы издания «Сила пера: перевод и цензура в Европе XIX века» Д. Меркле, К. О’Салливан и др. указывают в предисловии, что цензура «не всегда есть результатом бинарной оппозиции, когда невинные переводчики (жертвы) сталкиваются с репрессивными режимами (принуждением и угнетениями) в процессе перевода» [13, с. 10] (перевод наш. – Н.Р.). Цензурирование, культурная блокада (определенных национальных литератур) осуществляются зачастую при участии всех, кто вовлечен в процесс перевода – с этапа выбора оригинального произведения до публикации переведенного текста. Переводчик не может оставаться нейтральным, его позиция может выражаться в стремлении точнее воссоздать все особенности оригинала либо в самоцензуре (опущении или нейтрализации спорных элементов текста). Имеет место также своеобразное «выпячивание» подобных элементов (как в случае с эпатажным переводом «The Catcher in the Rye» Дж. Д. Селинджера М. Немцовым), что часто является последствием ранее существовавшей и отмененной цензуры. Как указывает Х. Сантаэмилия, «В любых исторических условиях переводчики склонны цензурировать сами себя – вольно или невольно – для создания текста, «приемлемого» как с социальной, так и личностной точки зрения» [14, с. 221] (перевод наш. – Н.Р.). Переводческая самоцензура является неотъемлемой составляющей любого акта перевода. Даже если в текст не привнесено никаких изменений по сравнению с оригиналом, на конечном этапе перевода переводчик пропускает его через проверку своего внутреннего цензора. Такая проверка проводится на соответствие целому ряду факторов, от морально-эстетических норм самого переводчика и общества языка перевода до системы ценностей, навязанной господствующей политической идеологией. Причины такой проверки могут быть разнообразными: от опасений оскорбить чувства других людей до стремления переводчика сохранить собственную жизнь.

Исходя из вышесказанного, можно выделить следующие субъекты идеологического вмешательства в процесс перевода: 1) специальные государственные органы; 2) партийные структуры правящей партии; 3) издательства и редколлегии; 4) переводчики, редакторы, критики переводов.

Воздействие политической идеологии может осуществляться несколькими способами. Во-первых, через уже упоминавшееся цензурирование, которое происходит на всех этапах перевода. Кроме того, экономические рычаги (высокие налоги, плата за получение разрешения на публикацию и т.п.) могут использоваться в качестве дополнительных механизмов для блокирования выхода нежелательного культурного продукта на рынок государства – как тоталитарного, так и демократического. И наконец, политическая идеология может воздействовать на перевод посредством формирования общественного мнения.

Так, в Украине в последние десятилетия пребывания ее в составе Советского Союза общественное мнение населения (особенно не западных областей) соответствовало господствующей идеологии и негативно влияло на развитие перевода на национальный язык. Причиной тому был целый ряд факторов. Во-первых, благодаря усилиям советского идеологического аппарата к тому времени было сформировано восприятие русского языка как языка высокого социального статуса. Единая для всех советских республик цензурная система пропускала идеологически выверенный перевод на русский язык, который должен был удовлетворить всех советских (по определению владеющих русским языком) читателей. Такой перевод публиковался многотысячными тиражами и выдерживал множество переизданий, он приобретал статус единственно верного и канонического; перевод на национальный язык если и осуществлялся, то гораздо позже (более подробный анализ проблемы см. в статье «Переводы романа О. Вайлда «Портрет Дориана Грея»: идеологический аспект» [15]). Кроме того, цензура не пропускала переводов, где полноценно использовались лексические ресурсы языка; переводчиков обвиняли в национализме, а язык украинского перевода максимально приближали к нормам русского языка. Таким образом, у значительной части жителей УССР было сформировано мнение о ненужности переводов произведений мировой литературы на украинский язык; это обуславливало низкий спрос даже на те украинские переводы, что все же публиковались в столь неблагоприятных условиях.

Для осмысления границ идеологического воздействия на перевод необходимо выделить те критерии, которыми оперирует идеологическая система, принимая решения о необходимости вмешательства в процесс перевода. Во-первых, принадлежность исходного текста к определенной культуре сама по себе может выступать причиной запрета либо ограничения перевода. Как указывают Д. Меркле, К. О’Салливан и др., в Бельгии на рубеже XIX–XX вв. имело место блокирование определенных национальных культур и соответствующих литератур [13, с. 10].

К запрету на перевод приводит и негативная оценка, даваемая политической элитой конкретному литературному либо философскому течению. Например, в XIX вв. Испании и Португалии блокировали так называемое тлетворное литературное (в основном) французское влияние; в Испании также существовал запрет на перевод произведений потенциально небезопасных философских направлений [13, с. 8]. Когда же одно государство перенимает идеологию другого, идеологическая литература последнего активно переводится на язык первого, даже при отсутствии тесных культурных связей между данными странами в прошлом, в других идеологических условиях. Ярким примером тому служит коммунистический Китай, где с 1919 г. по 1978 г. активно переводились произведения В. Ульянова [8].

Личность автора оригинального произведения могла играть ключевую роль. В условиях тоталитаризма переводились только те авторы, которые не несли ни малейшей угрозы для господствующего режима и его идеологии. Именно поэтому в СССР переводилось так много классической литературы. Что касается произведений литературы XX века, без ограничений переводили написанное в идеологически дружественных странах социалистического блока; перевод произведений авторов из капиталистических стран ограничивался, придирчиво цензурировался и интерпретировался в соответствии с идеологическими требованиями. Например, исследуя особенности перевода и рецепции творчества У. С. Мозма в России и Украине, Р. Чорный отмечает, что данная рецепция характеризуется «неординарностью и непоследовательностью, обусловленной общественно-идеологическими факторами и их вмешательством в процесс межлитературного диалогизма. Заангажированная подконтрольная коммуникация проявлялась в «возможностях» в выборе авторов, произведений для перевода, сценической адаптации, критического усвоения с последующим обязательным жестким цензурированием» (перевод наш. – Н.Р.) [16, с. 14].

Анализ переводов, выполненных в условиях идеологического давления, позволяет выделить конкретные характеристики текста, которые подлежат изменению либо изъятию в результате такого давления. Данные текстовые характеристики будут варьироваться в зависимости от ценностей каждой конкретной политической идеологии, но есть среди них и типичные. Так, анализ цензуры переводов в условиях европейских тоталитарных режимов XX в. показывает, что в переводах не воссоздавались те элементы текста, которые могли пагубно сказаться на нравственности отечественного читателя: вульгаризмы, описания внебрачных отношений, секса, алкоголизма, наркомании и т.п. Наличие в тексте элементов, противоречащих господствующей политической идеологии может приводить либо к запрету на его перевод, либо к внесению изменений в текст перевода, которое осуществляется в виде опущений, замен, стилистической нейтрализации.

Идеологическое воздействие на перевод имеет комплексный характер; последствия такого воздействия неоднозначны и проявляются в течение значительного отрезка времени. Полный запрет или ограничение перевода отдельных произведений или авторов, ограничение перевода произведений, представляющие национальные культуры, взаимодействие с которыми власть ограничивает ввиду идеологических разногласий, обедняют процесс развития принимающей литературы и тормозят его по сравнению со свободно развивающимися литературами. У читателей произведений, переведенной в условиях идеологического давления и опубликованной в цензурированном (т.е. искаженном) виде, формируется неадекватное восприятие этих произведений, ложное представление об их авторе. Такое искаженное представление о произведениях может оказаться даже более живучим, чем сама политическая идеология. Например, читатели России и сегодня предпочитают роман Дж. Д. Селинджера «The Catcher in the Rye» в цензурированном переводе Р. Райт-Ковалевой, где нейтрализация вульгаризмов, нормализация отклонений от грамматических норм в речи главного героя приводят к искажению его образа [10]. По мнению Я. Лотовского даже перевод названия произведения имеет признаки вмешательства если не цензуры, то самоцензуры: во фразе «Над пропастью во ржи» проглядывает штамп «пропасть капитализма», поскольку в оригинале вообще не появляется образ пропасти, есть только «cliff», то есть крутой обрыв, скала [17]. Этот пример является также иллюстрацией другого последствия идеологического воздействия: в сознании читателей тоталитарного государства формируется к опубликованному варианту перевода как к единственно верному, «каноническому».

Балтийский гуманитарный журнал. 2013. № 1

Даже после падения тоталитарной системы сформированное отрицательное отношение к явлению множественности перевода продолжает жить в русской ментальности; как отмечает А. Борисенко, «в нашей культуре новый перевод плох по определению уже тем, что «замахнулся на святое» [18].

Говоря о переводе как объекте идеологического воздействия, нельзя забывать о том, политическая идеология может влиять не только на переводческую практику, но и развитие теории перевода. В Советском Союзе из-за объективных причин идеологического характера теории художественного перевода работали над концепцией реалистического метода перевода как единственно верного. Вообще, как указывает Л. Коломиец, «в колонизованном мире поощряется унифицированный стиль перевода – стиль унифицирующей нации, который имеет такие основные черты: логическая и синтаксическая упорядоченность, семантическая «прозрачность» смысла (избегание семантической двусмысленности), строго ограниченный лексикон (преобладание заимствованной лексики над исконно национальной, минимум лексических архаизмов, авторских неологизмов и слов-реалий)» (перевод наш. – Н.Р.) [19, с. 25].

Несмотря на все аспекты негативного воздействия политической идеологии на перевод, как в условиях колониализма, так и в тоталитарном государстве перевод, как правило, развивается и количественно, и качественно. Показательным примером является увеличение потока переводов в Украине в 1920–1930 гг. Л. Коломиец объясняет данный рост тремя факторами: 1) сознательными усилиями украинской интеллигенции, получившей образование до Октябрьской революции, обогатить родную литературу переведенными произведениями; 2) большевизской политикой культурного сближения народов СССР; 3) ограничением свободы творчества большинства литераторов, не желавших становиться большевизскими агитаторами, для которых перевод стал единственным возможным видом литературной деятельности [6, с. 10]. Последний фактор имел место и в других советских республиках, и в целом привел также к повышению качества переводов художественной литературы. Кроме того, единая цензурная система проверяла на соответствие не только партийной идеологии, но и всем необходимым языковым и литературным нормам, что также способствовало поддержанию высокого качества публикуемых переводов.

Таким образом, политическая идеология оказывает многостороннее и разновекторное влияние на развитие перевода; рассмотрение данного воздействия только в ракурсе политического давления, которое нельзя сводить исключительно к подавляющему воздействию. Поскольку воздействие на перевод политической идеологии не ограничивается периодом, когда данная идеология является господствующей в определенном обществе, перспективным является исследование последствий идеологического влияния в долгосрочной перспективе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Kuhlczak, Piotr. Translation and Censorship // Translation Studies. – 2011. – Nr 3. – Volume 4. – P/ 358–373.
2. Gibbels, Elizabeth. Zensur und Translation in Deutschland zwischen 1878-1890 // The Power of the Pen: Translation and Censorship in 19th Century Europe / [ed. Merkle D., O'Sullivan C., van Doorslaer L., Wolf M.]. – Wien: Lit Verlag Dr W. Kopf, 2010. – Pp. 143–169.
3. Sturge, Kate. A Danger and a Veiled Attack. Translating into Nazi Germany// The Practices of Literary Translation. Constraints and Creativity [Ed. by J.Boase-Beier] Manchester: St Jerome publishing, 1999. – Pp. 135–146.
4. Keratsa, Antonia. Translation and Censorship in European Environments // Translation Journal. – 2005. –

Vol. 9, № 3. – Режим доступа: <http://www.bokorlang.com/journal/33censorship.htm>.

5. Yenia, Huda A. Translation, Culture, and Censorship in Saudi Arabia (1988–2006) and Iraq (1979–2005) // ScholarWorks@UMass Amherst. – Режим доступа: <http://scholarworks.umass.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1109&context=theses>.

6. Коломієць Л. В. Український художній переклад та перекладачі 1920–30-х років: навчальний посібник. – К.: «Київський університет», 2013. – 559 с.

7. Петренко Д. И. Язык оригинала – язык перевода в условиях эпистемологической ситуации, идеологизации, деидеологизации общества: на материале романа Дж. Д. Сэлинджера «The Catcher in the Rye» и его переводов на русский язык. Автореферат дисс. канд. филол. Наук по спец.: 10.02.19, 10.02.01. – Ставрополь, 2007. – 26 с.

8. Zhong, Weihe. An Overview of Translation in China: Practice and Theory // Translation Journal. – 2003. – Vol. 7, №2. – Режим доступа: <http://www.bokorlang.com/journal/24china.htm>.

9. Simon, Sherry. Introduction // Changing Terms: Translating in the Postcolonial Era. Ed. by Sherry Simon and Paul St-Pierre. – Ottawa: University of Ottawa Press, 2000. – Pp. 1–29.

10. Soviet Censorship and translation in Contemporary Ukraine and Russia The Translation Journal. – Volume 17, № 2. – April, 2013. – Режим доступа: <http://translationjournal.net/journal/64catcher.htm>.

11. Ramakrishna, Shantha. Cultural Transamission Through Translation: Indian Perspective // Changing Terms: Translating in the Postcolonial Era. Ed. by Sherry Simon and Paul St-Pierre. – Ottawa: University of Ottawa Press, 2000.

– Pp. 87–100.

12. Faucett Peter. Translation and Power Play // The Translator. Studies in Intercultural Communication [ed. Mona Baker]. – Vol 1, No 2. – Manchester: St Jerome Publishing, 1995. – Pp. 177–192.

13. Merkle D., O'Sullivan C. Introduction // The Power of the Pen: Translation and Censorship in 19th Century Europe / [ed. Merkle D., O'Sullivan C., van Doorslaer L., Wolf M.]. – Wien: Lit Verlag Dr W. Kopf, 2010. – P. 7–26.

14. Santaemilia, Jose. The Translation of Sex-Related Language: The Danger(s) of Self-Censorship(s) // TTR : traduction, terminologie, redaction. – 2008. – Vol. 21, №2. – P. 221–252.

15. Рудницька Н. М. Переклади роману О. Вайлда «Портрет Доріана Грея»: ідеологічний аспект // Вісник ХНУ імені В.Н.Каразіна. – 2012. – № 72 (1023). – С. 225–231.

16. Чорний Р. П. Творчість В. С. Моема в українській і російській рецепції і перекладах. Автореф. ... канд. філол. наук за спеціальністю 10.01.05 – порівняльне літературознавство. – Тернопіль, 2006. – 25 с.

17. Лотовский Я. От переводчика // Семь искусств. – 2010. – №2(3). – Режим доступа: <http://7iskusstv.com/2010/Nomer2/Lotovskiy1.php>. 11

18. Борисенко А. Сэлинджер начинает и выигрывает / Александра Борисенко // Иностранная литература. – 2009. – №7. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/inostran/2009/7/bo16.html>.

19. Коломієць Л. В. Концептуально-методологічні засади сучасного українського поетичного перекладу (на матеріалі перекладів з англійської, ірландської та американської поезії): Монографія. – К.: «Київський університет», 2004. – 522 с.

TRANSLATION AS THE OBJECT OF POLITICAL IDEOLOGY IMPACT

© 2013

N. M. Rudnytska, candidate of philological sciences, associate professor, doctoral student
of Kyiv Shevchenko National University
Lugansk State Academy of Culture and Arts, Lugansk (Ukraine)

Annotaion: The article deals with essential components of the system of translation and political ideology relationship. Special attention has been given to subiects and ways of ideological influence over translation; textual traits, causing ideological ban or censorship, have been identified. Consequences of ideological pressure for translation development in definite historical and political circumstances have been analysed.

Keywords: translation, political ideology, history of translation, censorship.

УДК 372.881.1

О ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ РЕЛЕВАНТНОСТИ ТЕЛЕОЛОГИИ (на материале англоязычного публицистического дискурса)

© 2013

А.И. Шевченко, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики
перевода с английского языка,
Запорожский национальный университет, Запорожье (Украина)

Аннотация: Отражая определенный взгляд на мир языковых личностей с их устремлениями, потребностями, целями, мотивами, публицистический дискурс онтологически заангажирован. Устремления участников дискурса соотносятся с понятием целеполагания, которое в свою очередь принадлежит сфере телеологии. С точки зрения телеологии текст в данной статье рассматривается как обусловленное финальной целью вербальное воплощение образа действительности в сознании автора и читателя. Телеологический подход постулируется как лингвистический релевантный, поскольку вербальная репрезентация может служить основой для выявления финальных целей дискурса.

Ключевые слова: телеология, языковые личности, финальная цель, публицистический дискурс, текст, смыслообразование, лингвистическая релевантность.

Целью данной статьи является обоснование лингвистического осмысления телеологического начала семантических процессов в современном англоязычном публицистическом дискурсе. Актуальность исследования телеологической составляющей смыслообразования в дискурсе обусловлена, с одной стороны, повышением интереса лингвистов к антропоцентричным характеристикам языка и речи, с другой, недостаточной разработанностью в современном языкознании как фундамен-

тальных теоретических, так и прикладных аспектов изучения семантики языковых единиц в дискурсе через призму целеполагания.

В телеологии *целесообразность* признается неотъемлемой чертой жизнедеятельности [1; с. 2]. Целесообразность соотносится с понятием «*мелос*», которое А. Потембня трактовал как «цель», «конец», «идеал» [3, с. 385]. Аристотелевское понимание телеологии сосредоточено на необходимости *максимально полного*

объяснения чего-либо, учитывая при этом конечную причину – цель, ради которой явление существует или для которой объект был создан [4]. В методологическом смысле телеология рассматривается как совокупность способов и форм научного объяснения, в которых используются категория цели и понятия, принадлежащие её смысловому полю [5].

Из-за множественности трактовок и подходов в процессе становления и развития своего концептуального аппарата, начиная со времен Аристотеля, и заканчивая сегодняшней постиндустриальной эпохой, телеология обрела «сомнительную» репутацию. Её сравнивают с любовницей, с которой трудно расстаться, но в приличном обществе о ней не принято говорить [6, с. 7]. Телеология представляется идеалистичной, субъективированной, эфемерной. В проекции телеологии на лингвистику проблемы только приумножаются. Данные характеристики науки о целесообразности жизнедеятельности проявляются в философском и, особенно, в прикладном философском плане. Это связано, прежде всего, с ограниченной словесной материализацией телеологической подоплеку как отдельного высказывания в тексте, так и целостных коммуникативных блоков, что делает целеполагающую составляющую семантики языковых единиц в дискурсе чрезвычайно сложной областью для лингвистических изысканий.

Большей частью целеполагающая сторона высказывания сокрыта, подразумеваема, вероятностно выводима из логико-семантических глубин преимущественно посредством дедуктивных умозаключений и индуктивных инференций. Данный факт вынуждает исследователей прибегать к так называемым «телеологическим объяснениям» (teleological explanations) [2, с. 15], которые хотя и могут быть сводимы к определенным формализованным конструктам но обобщенно покрывают лишь незначительную часть бесконечно вариативной и мотивационно обусловленной гаммы смыслов, связанных с категорией целеполагания. Кроме того, будучи замещенной на теософских, психологических, герменевтических, семиотических, индуктивно-вероятностных логических фундаментальных принципах, телеология навлекает на себя обвинения в эклектичности. Как следствие, она трудно сводима к единой четко очерченной методологии, поскольку масштабность задач антропоцентрической специфики делает оправданным привлечение широкого арсенала методов детерминистского и индетерминистского плана в их диалектической взаимосвязи.

Такую методологическую всеядность телеологии объясняют тем фактом, что детерминистская «вероятностная необходимость ... проистекает из квантового индетерминизма» [6, с. 71]. Однако, вопреки квантовым принципам, предполагающим так называемую «точку зрения», то есть возможный разброс ракурсов рассмотрения определенного феномена, в поэтике, на наш взгляд, неоправданно игнорируется субъект деятельности (или в данном случае субъект речи) и абсолютизируется самодостаточность телеологически обусловленной самоорганизации, трактуя её как способность к «автоматическому» самовоссозданию и дальнейшему поддержанию (maintaining, continuation) присущих ей характеристик вне зависимости от «внешних» интенциональных факторов [7, с. 88, 91].

На наш взгляд, едва ли оправданно игнорирование мотивационной составляющей сознания субъекта речи в виде динамичного и лишь вероятностно предсказуемого комплекса целеполагающих факторов. Онтологические черты телеологии, в частности, её антропоцентричная (или, уже, антропоморфная) природа, обусловлены динамизмом, целостностью, нелинейностью, субъективированной предубежденностью, стохастичностью человеческого восприятия и, как следствие, вариативной атрибуцией смысла фактам окружающей (или текстуально отраженной) действительности. Такая многогранность телеологической проблематики, во-первых, обусловли-

вает необходимость привлечения к исследованию телеологических аспектов языковых явлений теоретических постулатов семиотики, когнитивистики, прагматики, синергетики, вероятностной логики; во-вторых, определяет роль телеологии как науки, которая отражает недетерминистскую сущность постнеклассической целерациональности современной постиндустриальной эпохи.

Прежде всего, телеология непосредственно связана с семиотикой, поскольку лишь целенаправленная речевая деятельность обретает смысл. В то же время, стремление выявить цель определенного явления позволяет осуществить так называемую «телеологическую атрибуцию» – приписывание сообразного цели смысла фактам действительности. Наделение смыслом – процесс вероятностный, нелинейный, основывающийся на озарении, интуитивном начале человеческого сознания. Восприятие текста сопряжено со смыслообразованием в виде означивания фактов и объектов отраженной действительности читателем и во многом соответствует вышеупомянутым вероятностным и нелинейным свойствам семиотических явлений.

В частности, осмысление текста связывают с феноменом так называемого «стохастического резонанса», который представляет собой интерпретативную реакцию сложной системы на хаотичную совокупность фактов действительности (шум) как на сигнал. Понятие стохастического резонанса в теории литературы разработано У. Димок и постулируется как явление, способствующее «озарению» при интерпретации литературного произведения путем усиления сигнала (скрытого смысла) [8]. Стохастически генерируемый «телеологический смысл» формируется в процессе восприятия текста. Сюжет, фабула, образный ряд указывают на предположительный вектор осмысления его содержательных параметров. Они выступают лишь катализатором построения цепочки умозаключений в виде индуктивных инференций.

Восприятие текста как проявление телеологически обусловленной самоорганизации сравнимо (используя соотносимую с поэтикой терминологию В. Александер), с превращением хаотичной, энтропийной (гомогенной) массы в структурированную по определенным образцам (гетерогенную) среду [7, с. 77]. На наш взгляд, данные процессы отражают сущность смыслообразования и обозначают возможные пути исследования связанных с целеполаганием средств и механизмов развития семантических процессов в дискурсе.

Смыслообразование в дискурсе в данной работе рассматривается как проявление и результат семиозиса. Семиозис квалифицируют как динамичное явление – «процесс, в котором что-то функционирует как знак» [9, с. 39], или как деятельность в виде означивания (сигнификации) явлений или объектов действительности в неразрывном единстве знака, его объекта и интерпретанты [10, с. 376, 377]. По нашему мнению, в публицистических текстах прагматическое измерение семиозиса (как единства трех аспектов – синтактики, семантики и прагматики) выходит на первый план, поскольку функция целенаправленного воздействия на адресата обретает доминантный статус. В данном контексте необходимо отметить, что дискурсивный семиозис мы рассматриваем как средство реализации семантического потенциала текста.

Смыслообразование воплощается в семантических процессах, выходящих за пределы текстуально отраженной действительности, являя собой телеологически обусловленный симбиоз текстовой и внетекстовой реальности, поскольку в семиотических терминах кроме словесного или письменного текста можно говорить о существовании так называемых «мифо-ритуальных», «поведенческих», «изобразительных» текстов [11, с. 84]. Мы считаем, что такое расширенное понятие текста в семиотическом смысле реализуется в дискурсии, когда в процессе референции привлекаются факты реальности (внетекстовая реальность) в качестве семио-

тического универсума. Факты внетекстовой реальности как «мира насыщенной символами устной памяти» [11, с. 80]. Мнемонично связаны с текстом и обуславливают в сознании читателя определенный ассоциативный ряд. Читатель наделяет смыслом факты текстуально отраженной действительности (представленной в виде лексической репрезентации объектов, явлений, живых существ и т.д.) сообразно культурно-историческим, социальным, моральным конвенциям, исходя из своего жизненного и социального опыта, и в соответствии со своими жизненными потребностями, мотивами, целеустановками.

Звеном, которое связывает собственно философские, социальные, психологические и лингвистические аспекты смыслообразования, является его сущность установления ценностной связи между фактом действительности – объектом, явлением, событием, с одной стороны, и системой жизнеобеспечения языковой личности – с другой. Определение личностно значимых ценностных характеристик явлений и объектов действительности объединяет в сознании индивидуума психофизиологические явления (ощущения), психологические (образы), социальные (социально обусловленные регулятивные нормы) [См. 12, с. 59, 60]. Представляется, что установление ценностных связей между составляющими элементами текстуально отраженной действительности может квалифицироваться как телеологический по своей природе механизм смыслообразования. В лингвистическом смысле смыслообразование в этой статье рассматривается в непосредственной связи с социально-психологическими аспектами целеполагания, в частности в связи с его волевыми составляющими, которые проявляются в субъективизированном, предубежденном восприятии действительности, что в свою очередь и выступает катализатором разворачивания процессов смыслообразования в дискурсе.

В качестве примера представляется возможным рассмотреть современный британский публицистический дискурс. Совокупность определенных фактов современной действительности, отражаемых в публицистических текстах в виде прямых номинаций, описательных конструкций, опосредованной референции в виде аллюзий, намеков и т.д., может рассматриваться с применением телеологического понятийного аппарата. Текстуально отраженные факты действительности в сознании читателя могут выстраиваться в определенные сопряженные с явлением целеполагания ментальные структуры, так называемые семиотические монады [13, с. 255], которые являются результатом мыслительных операций вероятностной природы в виде индуктивных инференций относительно возможных конечных целей нарратива. Основой для указанных логических операций могут быть связанные с заявленной в публицистическом тексте целеустановкой критерии частотности номинаций определенных фактов действительности, их локальной, исторической, социальной обусловленностью.

Например, если проанализировать публикации, отражающие особенности публичной деятельности принца Чарльза, и, в частности, их лексическое наполнение, стилистический регистр, образный ряд как знаковое явление, то можно предположить, что в сознании читателя сформируются определенные выводы относительно *телоса* – финальной цели данного публицистического нарратива. А именно, подготовить сознание читателя к возможным изменениям в статусе престолонаследника: Charles is a **King-in-waiting**; **de facto Monarch**; assuming the **mantle of monarch**; the sub-text was clear: here is a **King-in-waiting**; **transition**; **abdication**; **succession**; a **change of reign**; **Charles III** [14]. ... It was a sign that Prince Charles is positioned **more as a King-in-waiting**; he will **take the Queen's place**; her (the Queen's) eldest son and the **heir** who she will have to rely on; a **hereditary system**; short of **abdication**; the right time for Prince Charles to start **taking on more duties**; a **potential King**; **heir apparent**

[15]. The **heir** at 65; the **«job» he was born to take** on is a unique one; preparing for the day he will be **King**; the process of **handing duties over** to her son is well under way; an important sign of that **transition**; **duties ...will be taken on** by the Prince; it may still be many years before he becomes **King**; his **apprenticeship** has been a long one; he symbolises the practical, welfare **monarchy**; discovering a role beyond that of the **«King-in-waiting»** [16].

Подобным же образом можно рассматривать тематически объединенную подборку статей об иммиграции и иммигрантах в Британии. Можно предположить формирование читателем достаточно обоснованных инференций относительно телеологической подоплеку данных публицистических текстов – подготовить общественное мнение к ужесточению законов об иммиграции: **Immigrants face tougher rules**; a fresh attempt to **curb immigration**; to **check immigration status**; to do more to **tackle illegal immigration**; to ensure that this country attracts people who contribute and **deter those who will not** [17]. We must say no to **giving work to immigrants**; Cameron's anger at **factories stuffed by foreigners**; he **did not «blame» Eastern Europeans**; 15% of all **people in work are non-UK nationals**; **curbing access to benefits and public services for migrants**; you can go to factories in our country where **half the people come from Poland, Lithuania or Latvia**; the UK should demand an end to the **influx of foreign workers**; **immigration needed to be restricted**; about 100 **Romanians and Bulgarians a day are getting jobs** in Britain [18]. Labour 'messed up' by **letting in one million East Europeans**; **Roma migrants** could cause riots; **throwing open Britain's borders** to Eastern Europeans was a spectacular mistake; every other EU state... **kept their job markets closed** [19]. **British jobs to British workers!**; the **number of foreign-born workers jumped** by 181.000 [20]. Таким образом, анализ частотных и смысловых характеристик совокупности номинаций фактов действительности, отраженных в современном британском публицистическом дискурсе, свидетельствует об их очевидной телеологической обусловленности, социально-политической целесообразности, если не сказать тенденциозности. Результаты анализа теоретического и фактического материал указывают на целесообразность и необходимость использования постулатов телеологии для исследования семантических процессов в дискурсе.

В данной статье лишь обозначена необходимость привлечения телеологического понятийного аппарата к решению собственно лингвистических задач и отражена элементарная телеологическая проблематика смыслообразования в публицистическом дискурсе. Дальнейшее исследование телеологических аспектов публицистического дискурса может быть сосредоточено на анализе конкретных языковых средств и механизмов, непосредственно или опосредованно способствующих выявлению латентных семантических процессов в дискурсе, соотносенных с феноменом целеполагания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гегель Г. В.Ф. Наука логики: В 3-х томах. Т. 3. Учение о понятии; [отв. ред. М.М. Розенталь]. М.: «Мысль», 1972. 371 с.
2. Woodfield A. Teleology. Cambridge: Cambridge University Press, 1976. 232 p.
3. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976. 613 с.
4. Teleology // Encyclopaedia Britannica 2007. Ready Reference. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM); 12 см. – Системн. требования: Pentium III; 512 Mb RAM; Windows 2000/XP. – 2007.
5. Макаров М. Телеология // Философская энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1970. Т. 5. С. 194–195.
6. Alexander V.N. The Biologist's Mistress: Rethinking Self-Organization in Art, Literature, and Nature. Litchfield Park, AZ: Emergent Publications, 2011. 246 p.
7. Alexander V.N. The Poetics of Purpose // Biosemiotics.

No 2, 2009. P. 77 – 100. 8. Dimock W.C. A Theory of Resonance // Modern Language Association. Vol. 112, No. 5, 1997. P. 1060–1071. 9. Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика / Сост., вступит. статья и общ. ред. Ю.С. Степанова; коммент. Ю.С. Степанова и Т.В. Булыгиной. М.: Радуга, 1983. С. 37–90.

10. Mirotti M. Семіозис (semiosis) // Енциклопедія постмодернізму / [за ред. Е.Вінквіста та Е.Тейлора]. К. Вид-во Соломії Павличко «Основи», 2003. С. 376–378.

11. Мечковская Н. Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура: Курс лекций: учеб. пособие для студ. филол., лингв. и переводовед. фак. высш. учеб. Заведений. – 2-е изд., испр. М.: Издательский центр «Академия», 2007. 432 с.

12. Бех В. П. Человек и вселенная: когнитивный анализ [отв. ред. Р.А. Додонов]. Запорожье: РА «Тандем –» 1998. 144 с.

13. Шевченко О. І. Дійсність як знак у сучасному англomовному дискурсі: телеологічні і лінгвокогнітивні основи семіотизації навколишнього світу: [монографія]. Запоріжжя: Запорізький національний університет, 2009. 347 с. 14. Daily Mail, 15 November 2013.

15. BBC, 8 May 2013.

16. BBC, 14 November 2013.

17. BBC, 8 May 2013.

18. Daily Mail, 28 October 2013.

19. Daily Mail, 13 November 2013.

20. Daily Mail, 14 November 2013.

ON LINGUISTIC RELEVANCE OF TELEOLOGY (with reference to English publicistic discourse)

© 2013

A.I. Shevchenko, candidate of philological sciences, associate professor of the department of theory and practice of translation from the English language
Zaporozhye National University, Zaporozhye (Ukraine)

Annotation: Publicistic discourse while reflecting some point of view with undercurrent cravings, urges, goals, motives of certain communicating individuals is ontologically biased. The aspirations of those participating in discourse are connected to the notion of goal formation which is in its turn belongs to the domain of teleology. From the point of view of teleology the text in the given critique is regarded as a verbally embodied author's and reader's goal oriented reality image. Teleological stance is posited as linguistically feasible since verbal representation may serve as a basis for construing the ultimate ends of discourse.

Keywords: teleology, communicating individuals, ultimate goal, publicistic discourse, text, sense formation, linguistic relevance.

УДК 811.161.2'373

АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КЛАССИФИКАЦИИ ТЕКСТОВ-ЗАГОВОРОВ

© 2013

С.А. Шуляк, кандидат филологических наук, доцент кафедры практического языкознания
Уманский государственный педагогический университет имени Павла Тычины, Умань (Украина)

Аннотация: В статье изучены аспекты исследования классификации текстов заговоров. Проанализированы особенности использования заговоров в быту наших предков. Определена семантика и рассмотрена символика лексем в заговорах как текстах, предназначенных исполнять функцию магического влияния на окружающих.

Ключевые слова: заговор, семантические особенности, магическая сила слова, классификация, лингвистика, символ, лексема.

Заклинания, в которых сконцентрированы древние представления о магической силе слова, рассматриваются как праформа других словесных жанров фольклора. В определенный период истории заклинанья изучались с материалистической стороны, то есть как предрассудки, которые давно пережили себя. Но с появлением новых подходов, например, суггестивной лингвистики, фольклор изживает свою традиционную сущность как устное народно-поэтическое творчество и начинает трактоваться как народная магическая практика [1, с. 16]. Человек и его жизнь являются определяющей частью этого фольклорного жанра, более того, близки современному обществу, выражают человеческую природу, что остается неизменным и в наше время.

Заговоры как остатки древнеязыческой мифологии изучали представители мифологической школы А. Афанасьев [2], Ф. Буслаев [3] и др. Материалы научных работ В. Петрова [4] свидетельствуют о том, что в заговорах слово и действие равноправны по своим функциям и равномерно влияют на достижение определенной практической цели. Труды В. Соколовой [5], Л. Виноградовой [6] и др. посвящены изучению взаимосвязи слова и обряда. Исследования семантических особенностей заговорных текстов видим в трудах М. Познанского [7], А. Темченка [8], О. Соляр [9], О. Остроушко [10] и др. В. Харитонов [11; 12] исследовала открытые и закрытые структуры заговоров.

В. Харитонов приходит к выводу о том, что основу восточно-славянского заговорно-заклинательного фонда составляют небольшие произведения и они базируются

на двух типах структурно-синтаксических образований, выступающих либо в чистом виде, либо в различных вариантах собственного развития или взаимосочетаемости: реально (потенциально) открытых и реально (потенциально) закрытых конструкциях [11, с. 34].

В. Петров [4] пишет, что заговоры применялись во всех случаях и обстоятельствах жизни, как личной, так и хозяйственной и социальной: в случае болезни, неудачи в торговле, когда шли на суд, при падеже скота, чтобы вызвать любовь у женщины или же избавиться от любовной тоски, при выгоне скота в поле, перед началом кулачного боя и т.д. [4, с. 97].

Цель нашего исследования – изучить структуру украинских заговоров. Достижение поставленной цели станет возможным при условии решения таких заданий: проанализировать особенности использования заклинанья в быту наших предков; определить семантические и символические особенности исследуемых текстов.

Заговоры классифицируются за происхождением, характером магии, содержанием.

За происхождением заговоры условно можно поделить на те, которые сначала подверглись влиянию языческой мифологии и гораздо позже – христианства. Веруя во многих богов, славяне ценили разных духов и силы природы: солнце, луна, звёзды и т. п. Главным божеством триады: солнце – луна – звезда считалась луна. Так встречаются своеобразные тексты, вобравшие в себя элементы языческой мифологии и предназначенные для лечения зубов, приговариваемые при луне в фазе роста: – *Місяцю, місяцю молодий, / у тебе ріг золотий, / тобі на*

*підповня, / мені на здоров'я. / Сонце сходе, місяць світе, / мертвий з живою їде. / Жива: «Чи болять у мертвого зуби?» / Мертвий: «Ні». / – Як не болять у мертвого зуби, / То і в живого не болітимуть [13, с. 118]. Основу заговорного фонда с элементами христианской лексики составляют тексты с номинациями: *архангел Гавриїл, архистратор Михаїл, Божя Мати, Бог* и др.: *Їхав архангел Гавриїл, архистратор Михаїл на білім коні і в білім каптані. Зустрічає його Божя Мати на золотім мосточку із золотою патиричкою. / – Куди ти їдеш, архангел Гавриїл? / – Іду до пустого млина облищити одмітати, хортів годувати, породженному Богом словом (Терешкові) зганяти більмо [13, с. 136].* Нужно отметить, что подобные тексты часто сопровождаются названиями цвета. Белый цвет в древней христианской символике является атрибутом святости, добра, невинности, радости [14, с. 16].*

Поэтическая структура заговоров, соотношение в них языческих и христианских элементов, неизменная магическая формула подчеркивают их давнюю дохристианскую основу [1, с. 21]. На давнее происхождение указывает непосредственное обращение к объекту, когда болезнь рассматривается как движущаяся и абстрактная субстанция, которой можно предложить другое место пребывания, выслать и т. д. [1, с. 21], например, в контексте с началом в виде обращения к болезни: *Переляк, перелячище! Я ж тебе яйцем викочую, а водою виливаю, на пуці і на сухий ліс відсилаю: тут тобі не бувати, червоної крові не спивати, синіх жил не потягати, жовтої кості не ламати!* [15, с. 70]. Человек обращается к болезни как к живой сущности, запрещая ей исполнять определённые действия. Обычно такие обращения используются в побудительных конструкциях.

Украинские заговоры рождены магическим мировоззрением и подвержены во времени влиянию различных мифотворческих эпох, исходя из этого, можно выделить три типа заговоров: самые давние домифологические доязыческие вербальные формы; заговоры периода языческой мифологии; заговоры периода христианской мифологии [1, с. 24].

По характеру магического влияния заговоры можно разделить на два условных типа: заговоры, которые отсылают «вред», заговоры, которые насылают «вред» [1, с. 24]. Действие заговора должно вызвать разлад, наслать вред: заговорщик делает жертву бессильной [1, с. 25], например: *Не сам я їду, чорним волом їду, сухою гадиною поганяю, правою ногою на поріг ступаю, своїм ворогам язик одвертаю: щоб вони губами не плямкали і зубами не клацали надо мною, рабою Божжою Марією [15, с. 107].* В этом заклинании внимание следует обратить на образ *черного вола*, ведь он наделён символическими значениями. Волы были своеобразными оберегами от болезней, недоброжелателей и врагов [16, с. 210]. Следует обозначить, что семантика этой лексемы изменяется под влиянием контекста и обычно носит позитивное значение.

Классифицируя заговоры по содержанию, можно выделить заговоры против болезней (исцеляющие), которые охватывают наиболее широкую группу и выражают представления о народной медицине украинцев [1, с. 25–26], например: *Вразе-Власе, вразе-Опанасе! Я тебе замовляю, правою рукою загортаю (при цьому робляться відповідні рухи), сядь собі на місці, на золотім кріслі, тобі по животі не ходити, і рилом не рити, і під грудьми не підвертати, і гризбою не гризти, і в низ не вступати, і в вікно не заглядати [13, с. 104].* В подобных заклинаниях особый элемент семантико-синтаксической структуры составляют обращения. Они исполняют характеризующую функцию, выступают способом организации и соотносятся со всеми высказываниями текста. Сами заговоры выявляют три аспекта реализации магической функции языка: номинативный – слова есть сконденсированным выражением комплекса про-

позиций, то есть имеют символично-образное значение; предикативный – отличная от причинно-результативного мышления логика заклинаний предопределяет своеобразную синтагматику слов, создания и воспроизводства особенной картины мира; влиятельный (психоэнергетический) – ситуация провозглашения заговоров, способность словесных последовательностей активизировать ассоциативные, эмоциональные связи между разными видами информации определяют влияние заговоров на эмоциональное состояние человека [10, с. 66]. Этот вид магии интересен как своеобразный элемент психотерапии: *«Добрый день тобі, сонечко ясне! Ти святе, прекрасне, чисте, величне й вічне! Золотиш поля, річки й ліси, луги й болота! Освіти, озолоти й мене, красну діву, з голови до ніг, з ніг до голови – над усім миром і тваром! День у день, місяць у місяць, рік у рік хай мені буде ясно-прекрасно, чисто й велично з тобою і з усім миром. На віки віків!» [15, с. 7].*

Большую группу представляют собой заговоры, которые привлекают или отвращают любовь. Подобно к опредмечиванию болезни опредмечивается тоска, печаль, страсть и др. Особенно типичны «присухи» или «любишки», чья символика тесно связана с душевными состояниями [1, с. 27], например: *Ви, зорі-зоріці, / Вас на небі три сестриці, / Одна вечірня, друга полунічна, третя світова. / Вечірня, зануди, полунічна, зачепи, / А світова раба Божого (ім'я) до раби Божжої (ім'я) / Приверни [15, с. 75]; Трясу, трясую кладкою, кладка водою, а вода купиною, а купина чортами, а чорти козаком (...), щоб його трясли, трясли, та й до мене принесли, до народженої, хрещеної і молитв'яної раби Божжої дівчини (Марусі) [15, с. 76].*

Любовные заклинания, в зависимости от пола человека, который их проговаривает, можно поделить на заклинания парня и девушки: *Місяцю ясний, місяцю прекрасний, місяцю молодий, на тобі хрест золотий, місяцю ясний, місяцю прекрасний, тобі зоря пара. Понеділок з вівторком, середа з четвергом, п'ятниця й суббота, неділя – одиниця. Хто мені має бути, – нехай присниться. Дай мені, Боже, ві сні видати, яку буду пару мати [1, с. 231]; Дай Боже, Тебе випроводити, а другого діджати [1, с. 237].*

В заговорах-отворотах, например, чтобы разлучить мужчину с женщиной проговаривают: *Чорт їде водою, вовк їде горою. Вони вкупі не сходяться, думи не думають, плодів не плодять, плодових річей не говорять. Так і Грицько із своєю жінкою, щоб думи не думали, плодів не плодили, плодових байок не говорили, а щоб так, як кіт із собакою, жили!* [15, с. 84]. Интересно, что в свадебной обрядовости образ кога или кошки тоже заметен: если это животное пробежит между женихом и невестой, перебежит дорогу свадебному поезду или выбежит ему навстречу, пара разойдется или жизнь будет неудачной [16, с. 252].

В вербальной магии встречаются заговоры на уничтожения разных видов и форм колдовства [1, с. 28], например: *Ішла Мати Божя золотим мостом / З золотим хрестом, / Встріла рабу Божу (ім'я знахарки). / – Куди ти, раба Божя (ім'я знахарки) їдеш? / – Іду до молитвенного раба Божого (ім'я хворого) одроблять, / Пристріт, уроки, посмішку / І переляк скидати, / Із рук, із ніг, із тіла, із душі, / Із крові, із семидесяти суставів викачувать!* [1, с. 45–46]. Хочется отметить, что в данном заговоре в качестве персонажей выступают Мать Божья и знахарь. Кроме этих персонажей, в заговорах могут присутствовать светила, явления природы, стихии, мифологические существа, звери, птицы, рыбы, насекомые и даже обычные предметы быта и окружающего мира [17, с. 6].

Изучая хозяйственные заговоры, нужно отметить, что чаще всего это шептания к корове, лошадям, пчёлам, воробьям и т. д. Например, когда первый раз выгоняют корову на пастбище, то приговаривают: *Виганяю я свою*

корову, / переходить сам Господь дорогу. / Так як летіла пчола – не закривалася / Не рукою, не полою, / Щоб так у моєї корови не було уроков / Ні заду, ні спереду, ні збоку [13, с. 253]. А если у коровы пропадает молоко, то говорят так: *Драстуй, вода Оліяна, / І ти, земле Тетяно! / Я ж не прийшов до тебе / Води брати, / А прийшов помоці прохати. / Драстуй, вода-криниця, / І ти, красная дівиця, / Ти часто в Бога буваєш, / Ключі одбираєш, / Одімкни і пусти Божою росцею* [13, с. 257]. Обращение к воде и земле, как одним из самых главных символов мироздания, достаточно часто встречается в текстах украинских заклинаний. Более того, символизация воды в емкости, в данном случае в колодце (вода-криниця) имеет свое конкретное значение. Скажем, вода в колодце часто символизирует полноту, достаточность чего-то, неиссякаемость и т.д. [16, с. 94]. Заговоры тесно связаны с бытом, например, если кто-то отобрал у коровы молоко, то обязательно последует месть за это: *Коли хтось відбере молоко від корови, то той челядник має шкоду велику і жалує худобину, щоби і худобині не шкодило. Бо худобина нічого не виновата. То тоді помицється на тій особі, котра те зло наробила. Не зна, хто то зробив, то тогди бере свого молока у спінчати і несе у понеділок, в четвер і в п'ятницю за дев'ять вечорів і виливає то молоко у сухого пня, і каже: «Як той пен ь ізох, так би тога ізохла, що відобрала від моєї корови молоко»* [13, с. 264]. В данном случае при помощи сравнительной конструкции закликающий наносит вред обидчику.

К хозяйственным заговорам тематически близки тексты, адресованные природным стихиям (грому, градовым тучам, ветру) [1, с. 29]. Например, чтобы отвернуть градовые тучи, знахарь приговаривает: – *Граде лукавий, рабе лукавий! Нехай тебе хмари не носять, бо тебе люди не просять. Буйні вітри! Візьміть ви цю хмару на свої тонкі крила, занесіть її за окіян-море, за теплі води, за круті гори, за жовті піски, щоб він там розтав, і пропав нині, прісно і во віки віков, амінь. Амінь, амінь! Тьфу, тьфу, тьфу! Шезни, пропади од лиця Божого і од грішного!* [13, с. 297]. В этом заклинании используется формула словесного обращения-изгнания, которая поддерживается молитвенными словами. В. Соколова пишет о том, что большую часть заклинаний, обращенных непосредственно к объекту воздействия, отличал повелительный тон: уходи вон, перестань, принеси, расти и т. п. [5, с. 12]. В цитированном выше заклинании лексемы *шезни, пропади* тоже носят императивный характер.

Особенность украинских текстов заключается в том, что с деревьями или мифологическими существами устанавливают родственные отношения (кумовство, своячество); при этом в качестве «вещей», обмен которыми должен способствовать установлению родства, выступают сон и ночной крик. Таким образом, в украинских заговорах на первый план выступает идея обмена между человеком и иным миром [18, с. 71]. Например: *Стоїть на річці верба, а на тій вербі – сова. «Сово, сово! У мене – син, а в тебе – дочка. Посватаймося, побратаймося. На тобі плаксивіці, серливіці названі, послані, подумані, погадані»* [15, с. 24]. Как пишет М. Дмитренко, способность этой птицы не бояться темноты, свободно двигаться в ней, символизирует углубленность в таину знаний, которые недостижимы простым смертным [16, с. 196].

Следовательно, заклинания классифицируются по происхождению (которые подверглись влиянию языческой мифологии и христианства), характером магии (которые отсылают ущерб и которые насылают его), содержанием (против болезней, которые привлекают или отвращают любовь, на уничтожение колдовства). Люди издавна придавали символическое значение окружающему миру: солнцу, луне, звёздам, растительности, животным. Заклинания как своеобразная часть фольклора отображают характерные символические образы традиционной культуры украинского народа.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Вербальна магія українців / вступ. сл. Л. Дунаєвська; авт. передм. О. Павлов; упоряд. та приміт. Т. Полковенко, В. Фісун. К.: Бібліотека українця, 1998. 98 с.
2. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифологическими сказаниями других родственных народов. М., 1865–1869. 804 с.
3. Буслаев Ф. И. О сродстве одного русского заклания с немецким, относящимся к эпохе языческой. В кн.: Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861, т. 1. 662 с.
4. Петров В. П. Заговоры (Публикация А. Н. Мартыновой) // Из истории русской советской фольклористики. Л.: Наука Ленингр. отдел., 1981. С. 7–142.
5. Соколова В. К. Заклинания и приговоры в календарных обрядах // Обряды и обрядовый фольклор / Отв. ред. В. К. Соколова. М.: Наука, 1982. С. 11–25.
6. Виноградова Л. Н. Заклинательные формулы в календарной поэзии славян и их обрядовые истоки // Славянский и балканский фольклор. Генезис. Архаика. Традиции. М.: Наука, 1978. С. 7–26.
7. Познанский Н. Ф. Заговоры. Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул. М., 1995. 114 с.
8. Темченко А. І. Українські лікувальні замовляння: вербально-акціональні універсалії, символіка та семантика: Автореф. дис. ... канд. іст. наук: 07.00.05 / НАН України; Інститут мистецтвознавства, фольклористики та етнології ім. М. Т. Рильського / Андрій Іванович Темченко. К., 2003. 17 с.
9. Соляр О. А. Українські народні замовляння: питання походження і поетики: Автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.01.07 / Львівський національний університет імені І. Франка / Ольга Андріївна Соляр. Л., 2005. 16 с.
10. Остроушко О. А. Семантико-синтаксична структура текстів українських замовлянь: Дис. ... канд. філол. наук: 10.02.01 / Дніпропетровський національний університет / Оксана Андріївна Остроушко. Дніпропетровськ, 2002. 201 с.
11. Харитонов В. И. Заговорно-заклинательный текст: композиционные основы, воздействие на пациента и заклинателя // Филологические науки. 1991. № 5. С. 45–54.
12. Харитонов В. И. Жанровая дифференциация заговорно-заклинательной поэзии // Филологические науки. 1988. № 4. С. 7–12.
13. Ви, зорі-зориці... Українська народна магічна поезія: (Замовляння) / упоряд. М. Г. Василенка, Т. М. Шевчук; передм. М. Г. Василенка. К.: Молодь, 1991. 336 с.
14. Матеріали та методичні рекомендації до спецкурсів з ідіостилістики / Упорядн. Л. В. Шулінова. К.: Видавничо-поліграфічний центр «Київський університет», 2001. 45 с.
15. Замовляння / упоряд. передмова, примітки М. К. Дмитренка. К.: Видавець Микола Дмитренко, 2007. 124 с.
16. Дмитренко Микола. Символи українського фольклору: Монографія. К.: УЦКД, 2011. 400 с.
17. Кляус В. Л. Указатель сюжетов и сюжетных ситуаций заговорных текстов восточных и южных славян / В. Л. Кляус. М., 1997. 464 с.
18. Агапкина Т. А. К реконструкции праславянских заговоров / Т. А. Агапкина, А. Л. Топорков // Фольклор и этнография: Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. Л.: Наука, 1990. С. 67–76.

ASPECTS OF THE RESEARCH OF EXORCISM TEXTS CLASSIFICATION

© 2013

S.A. Shulyak, candidate of philology sciences, associate professor chair of practical linguistics
Pavlo Tychyna Uman State Pedagogical University, Uman (Ukraine)

Annotation: Some aspects of the research of exorcism texts classification are studied in the article. Some peculiarities of exorcism usage by our ancestors in their every day life are analyzed. The semantics and symbolics of lexemes in the exorcism texts which are set to perform the functions of magic influence on the environment are studied considered in the article.

Keywords: exorcism, semantic peculiarities, magic power of a word, classification, linguistics, symbol, lexeme.

УДК 378.1

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

© 2013

О.Н. Ярыгин, кандидат педагогических наук, доцент

В.М. Рябова, аспирант

Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: В работе рассматривается искусственный интеллект с точки зрения компетентности в аналитической деятельности. Авторы показывают, что современные системы искусственного интеллекта не могут обладать свойствами необходимыми для компетентной аналитической деятельности, несмотря на техническое превосходство над человеческим разумом в решении задач сводимых к вычислениям.

Ключевые слова: искусственный интеллект, интеллектуальная компетентность, рефлексия, субъектность, не-дизъюнктивность.

Искусственный интеллект (Artificial Intellect) как часть информатики представляет собой инженерную дисциплину, для которой существенна, прежде всего, реализуемость и функциональность программных продуктов, а не их сходство с какими бы то ни было биологическими или социокультурными системами. Главной задачей искусственного интеллекта (ИИ) является машинное моделирование возможных познавательных процессов. Начиная с 1960-х годов, для этих целей используются языки программирования высокого уровня. Наиболее известными достижениями этого периода стали программы, моделирующие решение задач — «Логик-теоретик» и «Общий решатель проблем» А. Ньюэлла, Г. Саймона, Дж. Шоу, а также восприятие и запоминание информации — «Пандемониум» О. Селфриджа, «Перцептрон» М. Минского и Ф. Розенблатта. Работы этого периода получили подробное критическое освещение в книге Дж. Вейценбаума «Возможности вычислительных машин и человеческий разум (от суждений к вычислениям)», а У. Найссер, уже тогда убедительно показал, что отождествление машинных программ и психологических теорий необоснованно, подчеркивая более высокий уровень сложности психических процессов. В этот же ряд можно поставить и книгу Г. Биркгоффа «Математика и психология», в которой автор приходит к выводу: «замечательные достижения вычислительной техники нашего времени частично осуществили старую мечту. Достижения эти побудили некоторых заключить, что машины завтрашнего дня будут даже «умнее» людей, особенно по способности к математическому рассуждению. ...этого не произойдет, даже в собственной сфере чистой математики. Цифровые вычислительные машины, программируемые весьма специфическим последовательным способом, *не моделируют* человеческого воображения».

Следующий период развития ИИ начался в 1970-е годы и отчасти продолжается до сих пор. Его существенными моментами стали, с одной стороны, возникновение в качестве альтернативы символическому подходу более правдоподобного «субсимвольного подхода», а с другой — операционализация с помощью компьютерных программ того, что знание может быть представлено не только в форме статичных структур (декларативных знаний), но и в форме операций (процедурных знаний).

В области мышления этот этап исследований открыла монография А. Ньюэлла и Г. Саймона (Newell & Simon, 1972), в которой они обобщили опыт моделирования доказательства геометрических теорем, реше-

ния криптоарифметических задач и игры в шахматы. Основным допущением этой работы является то, что мыслительные процессы — это процессы вычислений, а основным выводом — что по своей организации они являются системой продукций (логических выводов). С помощью систем продукций было проведено моделирование процессов решения множества простых познавательных задач. Таким образом, был сделан огромный шаг в моделировании аналитической деятельности человека.

В ИИ моделируется ассимиляция нового знания и применение имеющихся знаний в новых условиях. Подобный перенос навыка решения, сравнение и обучение осуществляются в современных моделях, использующих принцип решения задач по аналогии.

С практической точки зрения, наиболее важным развитием последних десятилетий стало создание экспертных систем — программных систем, моделирующих в рамках определенной проблемной области решение задач экспертами. Экспертные системы состоят из двух основных компонентов: базы знаний и так называемой машины вывода, то есть собственно «решателя задач». Базы знаний строятся при этом как процедурно-декларативные репрезентации, включающие факты и правила. В качестве технического человеко-машинного «изделия» полноценная экспертная система дополнительно включает интерфейс пользователя и интерфейс «инженера по знаниям». Важным является наличие подсистемы, дающей возможность правдоподобное обоснование предлагаемых решений. Общей тенденцией стала постепенная трансформация экспертных систем в системы поддержки решений. К числу основных сфер применения этой основанной на формальном представлении знаний технологии относятся медицина, геология, юриспруденция, психологическая диагностика, логистика.

Современные экспертные системы в ряде случаев демонстрируют уровень знаний специалистов в соответствующих областях. Подчеркнем, что речь идет именно об уровне знаний в заданной области, а не о компетентности специалиста. То есть речь идет об эффективной работе экспертных систем в области реализации алгоритмов (компонент алгоритмической компетентности), поиска знаний в базе и пополнения базы знаний (компонент языковой компетентности), логического вывода (компонент дедуктивной компетентности). Однако, как отмечалось выше, говорить о компетентности экспертной системы не имеет смысла. Использование экспертных систем для моделирования индуктивных

умозаключений привело к созданию системы BACON, «которая смогла на основании заранее выявленных, кодированных и введенных в компьютер данных «повторить» открытие законов Галилея, Кеплера и Ома» [1]. Современные надежды возлагаются на гибридные архитектуры, искусственные нейронные сети. Но можно ли принять «вычислительное понимание мышления и, шире, познания» или метафору М.Арбиба «человеческий мозг - компьютер»?

В целом развитие логических оснований вычислительного подхода имеет собственную динамику. Оно направлено не на моделирование (симуляцию) человеческих достижений, а на их дополнение, причем акцент делается на применении вычислительных устройств для чрезвычайно быстрого перебора вариантов.

Исследователям всегда было свойственно считать современный им технический прогресс идеальным способом объяснения функционирования мозга и психики: в начале XX века идеальной метафорой-моделью считалась телефонная станция, позднее - аналогией с радиопередачей, голографией, архитектурой компьютера, сегодня – это, конечно, компьютерная сеть с множеством взаимодействующих компьютерных программ.

Если сравнивать технические результаты ИИ с достижениями естественного интеллекта, то во многих случаях, как, например, упоминавшиеся выше компьютерные программы для игры в шахматы Deep Blue и Deep Fritz, программные системы явно превосходили человека. В качестве проведения теста Тьюринга выделяются эксперименты критика работ в области ИИ Дж. Вейценбаума с относительно простой, включавшей всего лишь несколько сот строчек текста программой ELISA, способной поддерживать заочный диалог с человеком. Программа производила на собеседников впечатление разговора с живым человеком. Многие участники опытов Вейценбаума, даже после того как сообщали, что они имеют дело с программой, «не только не чувствовали дискомфорта, но и предпочитали иметь дело с компьютером, а не с реальным психотерапевтом» [1].

Теперь зададимся вопросом: *обладает ли «интеллектуальная» компьютерная система интеллектуальной компетентностью? Можно ли говорить о компетентности компьютерной системы в решении проблем некоторой заданной области?*

Вспомнив сказанное выше, ответим, что можно говорить лишь о способности программно-аппаратной системы решать вычислительные задачи, которые заданы пользователем (человеком!).

В таком случае, возникает следующий вопрос: *можно ли говорить о компетенции компьютерной системы?* И здесь, казалось бы, ничто не препятствует удовлетворительному ответу. «Компетенция» программного продукта определяется кругом задач, решаемых с помощью этого продукта, запущенного на соответствующем компьютере.

Но тогда возникает еще один вопрос: *чья же это компетенция?* «Компетенция» программного продукта или компетенция пользователя, запускающего программу и задающего те или иные параметры решаемой задачи, и ответственного за получаемые решения? Попытка отделить компетенцию от пользователя, сказав, что данные собираются автоматически с датчиков, увы, не избавляет от первопользователя, когда-то запустившего рассматриваемую систему датчики-компьютер-программа. Следовательно, задачи, решаемые этой системой, входят в компетенцию некоторого пользователя. Таким образом, компетентность и компетенция не могут быть присущи техническим ИИ-системам, и не имеет смысла говорить о компетентности компьютера, робота, экспертной системы. Во всех случаях мы будем иметь дело с тем или иным вариантом «китайской комнаты», представленной Дж.Сирлом.

Выводы Дж.Сирла кратко можно представить несколькими аксиомами и следующей из них теоремой [2]:

Аксиома 1. *Компьютерные программы — это формальные (синтаксические) объекты.*

Важно отметить еще два момента: 1) символы и программы — это чисто абстрактные понятия: они не обладают физическими свойствами, с помощью которых их можно было бы определить и реализовать в какой бы то ни было физической среде; 2) манипуляция символами осуществляется без всякой связи с каким бы то ни было смыслом. Символы в программе могут обозначать все, что угодно программисту или пользователю. В этом смысле программа обладает синтаксисом, но не обладает семантикой.

Аксиома 2. *Человеческий разум оперирует смысловым содержанием (семантикой).*

Аксиома 3. *Синтаксис сам по себе не составляет семантику и его недостаточно для существования семантики.*

Из рассмотренных предпосылок следует теорема: *Программы не являются сущностью разума и их наличие недостаточно для наличия разума.*

Таким образом Дж.Сирл, казалось бы, дал окончательный ответ о невозможности считать самые изощренные программы интеллектом в человеческом смысле. Но на этом вопросы не заканчиваются. *Как же быть с «самообучающимися» программами?* Особенно такими, которые «демонстрируют компетентность» в шахматной игре более высокую, чем Чемпион мира среди людей, или такими, которые вызывают доверие пациентов, большее, чем врач в белом халате.

Ответом на такой каверзный вопрос непрост. Компьютерная система, действуя по заданному алгоритму (в который могут быть включены и вероятностные элементы, отчего алгоритм не перестанет быть алгоритмом), решает вполне определенную (хотя и необозримую из-за своей размерности для человека) задачу. Человек, пытаясь справиться с задачами подобной размерности и сложности, приходит к выводу, что он не в состоянии «рассчитать» и даже обзреть все имеющиеся варианты, а значит, такие задачи надо решать либо интуитивно, либо эвристическими методами, то есть признает задачу «творческой». А способность решать такие задачи зависит от свойств личности решателя, от его способности формировать новые модели рассматриваемой проблемы, находить или изобретать новые способы решения модельных задач.

Итак, ответив на несколько вопросов, можно сделать вывод, что компетентность, в отличие от компетенции, связана с индивидуумом, то есть субъектна, в том смысле, который придавал этому слову А.Н.Леонтьев («субъективность на уровне чувственного отражения следует понимать не как его субъективизм, а скорее как его «субъектность», т.е. его принадлежность деятельному субъекту» [3, с. 125–126]. Понятие «субъектность» в настоящее время изучается и используется как в отечественной, так и в зарубежной психологии, где ему соответствуют такие понятия как ‘human agency’, ‘self-efficacy’ и др. [4]. Как видим, само словосочетание ‘human agency’ – «человеческий фактор» служит ответом на поставленный вопрос.

Следовательно, *сравнение компетентностей требует привлечения их носителей и сравнения способностей индивидуумов решать проблемы в рамках заданной компетенции теми или иными способами.* Причем способность решить проблему характеризуется не только фактом решения проблемы, но и затраченным временем, способом решения (сложность-простота, традиционность-новизна), использованными ресурсами (материальными или интеллектуальными) и другими количественными и качественными параметрами.

Это означает, что сравнение компетентностей является многокритериальной задачей, причем лишь некоторые критерии могут быть выражены численно, или хотя бы описаны некоторой шкалой. В то же время определение уровня проявления по каждой из характеристик

(критериев) невозможно в отрыве от других характеристик, так как в процессе проявления компетентности одновременно реализуются многочисленные качества индивида [8-11].

Еще одним препятствием для возникновения компетентности у системы искусственного интеллекта является принцип полноты дизъюнкций, используемый при создании «интеллектуальных» алгоритмов, приводящий к исключению индуктивной компетентности. Для компетентности же характерна «недизъюнктивность».

Содержание понятия «недизъюнктивность» психического процесса описал С.Л. Рубинштейн и детально разработал А.В. Брушлинский. В статье «Мысли о психологии» (1940) С.Л. Рубинштейн писал: «... различия интеллектуальные, эмоциональные и волевые процессы, мы не устанавливаем этим никакого *дизъюнктивного деления*, аналогично тому, как это делала психология, которая делила психику или сознание на интеллект, чувство и волю... когда мы говорим об интеллектуальных, эмоциональных и волевых процессах, речь, собственно, идет о *характеристике* единых и в тоже время многообразных психических процессов *по преобладающему* в каждом таком процессе интеллектуальному, эмоциональному или волевому *компоненту*» [5]. Смысл «недизъюнктивности» психического процесса, по С.Л. Рубинштейну, выражается следующими словами: недизъюнктивный психический процесс представляет собой *единство взаимопроникающих компонентов*, один из которых в этом процессе может *преобладать*, что позволяет характеризовать этот процесс как *преимущественно* эмоциональный, интеллектуальный или волевой. Кроме того, различные *характеристики* недизъюнктивного процесса также могут находиться в диалектическом *единстве* («мышление является единством интеллектуального и эмоционального»). Таким образом, недизъюнктивность является неотъемлемым свойством компетентности как психологического и педагогического явления, и не может быть присуща техническим системам, будь то даже системы «искусственного интеллекта».

Как уже отмечалось выше, нет оснований говорить об индуктивных возможностях систем ИИ. Отсутствие ошибок, порождающих новые идеи и гипотезы, влечет отсутствие индуктивной составляющей в работе таких систем. Работа любой системы, не включающей «человеческий фактор», действительно, «асемантична» (здесь мы дополним мысль С.Лема), лишена мотивации (несубъектна), не позволяет использовать неявные знания (полностью эксплицитна). Рефлексия в системах ИИ лишь моделируется с помощью рекурсии, и сложных дедуктивных правил, но не реализуется, как неавтоматизируемый и непредсказуемый психический процесс.

Таким образом, для обеспечения компетентности у систем ИИ отсутствуют элементы, составляющие рефлексивный компонент интеллектуальной компетентности: компетентности и ментальный опыт, представляемый взаимодействующими ментальными моделями.

Поэтому о системах ИИ можно говорить лишь как о моделях части компетентности, которая может быть использована в аналитической деятельности человеком, как один из мощных инструментов, обеспечивающих реализацию собственной ИК индивида.

Обсуждая метафорическое представление интеллектуальной деятельности как взаимодействия множества нейрокомпьютеров Дж. Фодор замечает: «Если моя голова наполнена работающими нейрокомпьютерами, то лучше, ... если бы это кто-то контролировал — лучше всего, если бы это был я сам!» [6]. Соглашаясь с Дж.Фодором, «оставим за собой», то есть за рефлексией, это право самоуправления аналитической деятельностью, отказав в этом не только «сильному», но и, тем более, «слабому искусственному интеллекту».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Величковский Б. М. Когнитивная наука: основы психологии познания [Текст] : В 2 т. Т. 1 — М. : Академия, 2006. — 448 с. — ISBN 5-7695-2984-9.
2. Сёрль Дж. Разум мозга — компьютерная программа? / В мире науки : журнал. — М.: Мир, 1990. — № 3. — С. 7 - 13.
3. Леонтьев, А. Н. Избранные психологические произведения [Текст] : В 2 т. Т. 1 / А. Н. Леонтьев ; под ред. В. В. Давыдова [и др.]. — М. : Педагогика, 1983. — 391 с.
4. Беспалов, Б. И. Нечетко-множественные модели недизъюнктивности и субъектности психических процессов / Б. И. Беспалов // Субъектный подход в психологии : сб. статей. — М. : Институт психологии РАН, 2009. — С. 121–136
5. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии [Текст] / С. Л. Рубинштейн. — СПб. : Питер, 2009. — 720 с. — ISBN 978-5-314-00016-8.
6. Fodor, J.A. (1998) // In: critical condition. Cambridge, MA: MIT Press.- p. 17
7. Ярыгин О.Н., Роганов Е.С. Ментальные модели: основа и препятствие для аналитической деятельности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2012. № 3. С. 64-68.
8. Ярыгин О.Н., Гайманова Т.Г. Формирование и развитие компетентности как эмерджентного свойства профессионального образования // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2012. № 1. С. 77-82.
9. Ярыгин О.Н., Ярошинская Е.А. Преодоление ложных эвристик как неадекватных ментальных моделей // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2012. № 1. С. 78-82.
10. Ярыгин О.Н., Кондурар М.В. Индуктивное мышление как компонент интеллектуальной компетентности // Карельский научный журнал. 2012. № 1. С. 40-42.
11. Ярыгин А.Н. Профессиональная мобильность специалиста в контексте межпредметных связей экономических дисциплин // Вектор науки ТГУ. Серия: Экономика и управление. 2012. № 3. С. 59-64.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND INTELLECTUAL COMPETENCE

© 2013

O.N. Yarygin, Ph.D. in pedagogic, associate professor
V.M. Ryabova, a postgraduate student
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Annotation: This paper considers the artificial intelligence from the perspective competence in analytical work. The authors show that the modern system of artificial intelligence cannot have the properties necessary for competent analytical activity, despite the technical superiority over the human mind in solving problems that could be reduced to computing.

Keywords: artificial intelligence, intellectual competence, reflection, subjectivity, nondisjunctivity.

НАШИ АВТОРЫ

Гинкевич Оксана Валентиновна, преподаватель кафедры «Славянской филологии»

Адрес: Николаевский национальный университет имени В. А. Сухомлинского, 54000, Украина, г. Николаев, ул. Никольская, 24
Тел.: +38 (095) 128-30-44
E-mail: gin_nka@mail.ru

Гладышев Владимир Владимирович, доктор педагогических наук, профессор кафедры «Славянской филологии»

Адрес: Николаевский национальный университет имени В. А. Сухомлинского, 54000, Украина, г. Николаев, ул. Никольская, 24
Тел.: +38 (095) 930-63-49
E-mail: gladushev@yandex.ua

Гусак Андрей Петрович, кандидат юридических наук, доцент кафедры криминального права и процесса

Адрес: Восточноевропейский национальный университет имени Леси Украинки, 43025, Украина, г. Луцк просп. Воли, 13;
Тел.: +38(0332) 28-03-30.
E-mail: annamax@ukr.net

Гусак Тарас Петрович, аспирант кафедры криминального права и процесса

Адрес: Национальный педагогический университет имени Михаила Драгоманова, 252030, Украина, г. Киев, ул. Тургеньевская 8/14, кафедра криминального права та процесса, ауд. 9-6,
Тел.: +38(044) 486-25-83
E-mail: taras-gusak@mail.ru

Докашенко Виктор Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры «Отечественная и всемирная история»

Адрес: Горловский институт иностранных языков Донбасского государственного педагогического университета, 84626, Украина, г. Горловка, Донецкой области, ул. Рудакова, 25.
Тел.: (+3806242) 4-65-89
E-mail: vikdok@mail.ua

Криводанова Юлия Евгеньевна, психолог отделения социальной реабилитации несовершеннолетних с ограниченными умственными и физическими возможностями здоровья

Адрес: Бийский территориальный центр социальной помощи семье и детям, 659300, Россия, Алтайский край, Бийск, переулок Коммунарский, 33
Тел.: (83854) 33-24-42
E-mail: krivodonova@mail.ru

Лопуха Василий Васильевич, соискатель кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права

Адрес: Национальная академия внутренних дел, Украина, 03035, г. Киев, пл. Соломянская, 1.
Тел.: +38(044) 248-89-46
E-mail: v_lopokha@ukr.net

Огар Анна Осиповна, аспирант кафедры «Филологических дисциплин и методики их преподавания в начальной школе»

Адрес: Дрогобыцкий государственный педагогический университет имени Ивана Франко, 42100, Украина, г. Дрогобыч, ул. Леся Курбаса, 2
Тел.: (80324) 41-34-07
E-mail: annaogar@ukr.net

Охман Ольга Владимировна, соискатель кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права

Адрес: Национальная академия внутренних дел, Украина, 03035, г. Киев, пл. Соломянская, 1.
Тел.: +38(044) 248-89-46
E-mail: abondarmail@gmail.com

Рудницкая Наталья Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, докторант Института филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

Адрес: Луганская государственная академия культуры и искусств, 91055, Украина, г. Луганск, Красная Площадь, 7
Тел. (+38) 066 595 37 38
E-mail: rudnytska_nn2010@ukr.net

Рябова Василиса Михайловна, аспирант кафедры «Менеджмент организации».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, Россия, г. Тольятти, улица Белорусская, дом 14
Тел.: 89272142088
E-mail: jliska@yandex.ru

Шевченко Александр Иванович, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода с английского языка

Адрес: Запорожский национальный университет, 69063, Украина, г. Запорожье, ул. Жуковского, 66
Тел.: (061) 2891286
E-mail: shevch.alex@gmail.com

Шуляк Светлана Андреевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры практического языкознания
Адрес: Уманский государственный педагогический университет имени Павла Тычины, 20300, Украина, г. Умань,
ул. Садовая, 2
Тел.: 0973906733
E-mail: shulyak_svitlana@ukr.net

Ярыгин Олег Николаевич, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры «Менеджмент организации»,
докторант
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, Россия, г. Тольятти, улица Белорусская, дом 14
Тел.: +7(8482)54-63-41
E-mail: onyx2602@rambler.ru

OUR AUTHORS

Dokashenko Viktor Nikolayevich, doctor of historical sciences, professor of «Native and world history department»
 Address: Horlivka Institute for Foreign Languages of the State Higher Educational Establishment «Donbass State Pedagogical University», 84626, Ukraine, Horlivka, Donetsk oblast, Rudakova str., 25.
 Тел.: (+3806242) 4-65-89
 E-mail: vikdok@mail.ua

Ginkevich Oksana Valentinovna, teacher of the department is «Slavonic philology»
 Address: Nikolaevskiy national university of the name of V. A. Sukhomlinskogo, 54000, Ukraine, Nikolaev, street of Nikol'skaya, 24
 Тел.: +38 (095) 128-30-44
 E-mail: gin_nka@mail.ru

Gladyshev Vladimir Vladimirovich, doctor of pedagogical sciences, professor of «Slavonic philology»
 Address: Nikolaevskiy national university of the name of V. A. Sukhomlinskogo, 54000, Ukraine, Nikolaev, street of Nikol'skaya, 24
 Тел.: +38 (095) 930-63-49
 E-mail: gladushev@yandex.ua

Gusak Taras Petrovic, post graduate of the criminal law and criminal procedure department
 Address: National Pedagogical University named after M. Dragomanov, 252030, Ukraine, Kiyiv, st. Turgenjevskaya 8/14, criminal law and criminal procedure department, room 9-6,
 Тел.: +38(044) 486-25-83
 E-mail: taras-gusak@mail.ru

Husak Andrej Petrovich, doctor of philosophy, docent of the department of criminal law and criminal procedure
 Address: Lesya Ukrainka Eastern European National University, 43025, 13 Volya Avenue, Lutsk, Ukraine
 Тел.: +38(0332) 28-03-30.
 E-mail: annamax@ukr.net

Krivodonova Julia Evgenyevna, the psychologist of office of social rehabilitation of minors with limited intellectual and physical opportunities of health
 Address: Biysk territorial center of the social help to a family and children, 659300, Russia, Altai territory, Biisk, Kommunar'sky Lane, 33
 Тел.: (83854) 33-24-42
 E-mail: krivodonova@mail.ru

Lopoha Vasiliy Vasilevich, applicant of the department of criminology and criminal enforcement law
 Address: National Academy of Internal Affairs of Ukraine, 03035, Kiev, pl. Solom'yanska 1.
 Тел.: +38(044) 248-89-46
 E-mail: v_lopokha@ukr.net

Ogar Anna Osypovna, postgraduate student of the department «Philological disciplines and techniques their teaching in primary schools»
 Address: Drohobych state pedagogical university by Ivan Franko, 42100, Ukraine, Drohobych st. Kurbas 2
 Тел.: (80324) 41-34-07
 E-mail: annaogor@ukr.net

Ohman Olga Vladimirovna, applicant of the department of criminology and criminal enforcement law
 Address: National Academy of Internal Affairs of Ukraine, 03035, Kiev, pl. Solom'yanska 1.
 Тел.: +38(044) 248-89-46
 E-mail: abondarmail@gmail.com

Rudnytska Nataliya Nikolaevna, candidate of philological sciences, associate professor, doctoral student of Kyiv Shevchenko National University
 Address: Luhansk State Academy of Culture and Arts, 91055, Ukraine, Luhansk, Krasna Ploscha, 7
 Тел.: (+38) 066 595 37 38
 E-mail: rudnytska_nn2010@ukr.net

Ryabova Vasilisa Mikhajlovna, a graduate student of the chair «Management of organization».
 Address: Togliatti State University, 445667, Russia, Togliatti, Belorusskaya St., 14
 Тел.: 89272142088
 E-mail: jliska@yandex.ru

Shevchenko Alexander Ivanovich, candidate of philological sciences, associate professor of the department of theory and practice of translation from the English language
 Address: Zaporozhye National University, 69063, Ukraine, Zaporozhye, st. Zhukovsky, 66
 Тел.: (061) 2891286
 E-mail: shevch.alex@gmail.com

Shulyak Svetlana Andreevna, Candidate of Philology Sciences, associate professor chair of practical linguistics
Address: Pavlo Tychyna Uman State Pedagogical University, 20300, Ukraine, Uman, st. Sadova, 2
Tel.: 0973906733
E-mail: shulyak_svitlana@ukr.net

Yarygin Oleg Nikolaevich, candidate of pedagogical sciences, assistant professor, associate professor of «Organizational Management», doctoral candidate
Address: Togliatti State University, 445667, Russia, Togliatti, Belorusskaya St., 14
Tel.: +7(8482)54-63-41
E-mail: onyx2602@rambler.ru

